

Яков Энгельсон

Воспоминания

Рига-Саулкрасты-Гамбург-Линчёпинг
2015

Оглавление

От редактора	3
Краткое предисловие.....	3
Эльцофоны, семья моей мамы	5
Другие Эльцофоны.....	9
Моя мама, Эсфирь(Этя)	11
Энгельсоны - семья отца. Мой дед Шмуэль.	12
Энгельсоны - семья отца. Дети Шмуеля.	15
Детство (1925-1941)	19
Советская Латвия, 1940 год	23
Начало войны (1941)	23
В эвакуации (1941-1945).....	25
Колхоз (1942)	26
Гороховецкие лагеря (1943-1944)	26
Институт (1944-1945).....	28
Возвращение в Ригу (1945).....	29
Учёба в Латвийском Университете(1945).....	31
Аспирантура (1948)	32
1950	34
Компания друзей	35
Ирина и сын Леонид (1954).....	37
Музыка, 1946.....	40
Музыка - 1960	42
Чем питались студенты в 1940--1950 годах.....	42
Защита диссертации ,1959	43
Волга 1964	44
Лечение 1965	45
Поступление Лёни в университет 1972	47
Черное море - 1976	47
Походы по Латвии	48
Туриады	49
Поездки за границу.....	50
Внучка Ася	51
Защита Лёниной диссертации, 1981	52
Музыка - 1973	52
Музыка - 1980	53
Музыка — 1988.....	53
Саша — 1947.....	54
Дача, 1971.....	55
Прощание с Сашей	57
Швеция, 1991	59
Болезнь Иры, 1996-1997.....	60
Отъезд в Германию 1997.....	60
Приложение. Эсфирь Энгельсон - Воспоминания о встрече с Райнисом.....	64

От редактора

Я, Вадим Энгельсон, являюсь редактором этого текста и буду по мере появления новых данных его дополнять и исправлять.

Спасибо Виктору Давыдовичу Шатцу и Руте Максимовне Шац-Марьяш, которые своими книгами вдохновил меня начать работу с этими воспоминаниями.

Началась работа над этой книгой с серии вопросов и кратких интервью. И каждое лето отец приезжая в Ригу проводил немало часов за компьютером, дополняя и исправляя тексты. Знание русского, английского, латышского и иврита, а также мои компьютерные навыки помогли эффективному поиску в ныне открытых источниках. С публикацией в Интернете архива множества латвийских газет мне удалось сопоставить эти мемуары с газетными заметками разных лет, что дало возможность и почувствовать вкус каждой эпохи. Совсем недавно появилась замечательная книга Валентины Фреймане "Прощай Атлантида", в которой очень подробно и ярко описана жизнь еврейского семейства в пёстрой предвоенной Риге.

Хочу упомянуть нескольких замечательных людей которые сделали этот труд возможным. Во первых, супруга отца, Галина Андреевна Мамон, которая самоотверженно поддерживает его каждодневно, и в Майнце и в Гамбурге и в Риге уже много лет - с 1999 года. При каждом приезде в Ригу огромную моральную поддержку получаем мы от давнего друга нашей семьи - Елены Ильиничны Шапиро. Спасибо моим братьям - Сергею в Гамбурге, Дмитрию в Риге и Леониду в Стокгольме.

Первая версия книги была подготовлена к 90 летию отца, которое мы отметили 29 июля 2015 года в Саулкрастах. Большая часть этой книги появится со временем в открытом доступе на интернете, на сайте посвященном истории семьи Энгельсонов (www.engelsons.org).

Это — вторая версия книги с небольшими исправлениями и дополнениями про Либо и Леопольда. Весь текст, особенно воспоминания о Райнисе был отредактирован Еленой Шапиро.

Вадим Энгельсон, Линчёпинг, Швеция, сентябрь 2015 года.

Итак перейдем к самим воспоминаниям, написанным в Риге в 2005-2015 годах.

Краткое предисловие

Эту книгу воспоминаний я начал писать в 2005 году. Разные эпизоды жизни выплывали из памяти постепенно и выстраивались в относительно стройное повествование. К сентябрю 2014 года всё было в основном написано и в текст вставлены комментарии из газет. Остались за кадром уточнения про семейство Эльцофонов/Шляпиных в самом начале книги, а также не хватает некоторый фотографий 1920-х годов которые будут в варианте книги для интернета. Отдельные книги будут выпущены позже - про предков Шмуеля Энгельсона, и про Ирину Ароновну Ярхо и ее предков.

Эльцофоны, семья моей мамы

Эта глава является генеалогическим исследованием, мемуаров здесь сравнительно немного. Большая часть данных подготовлена Григорием Вапне.

Генеалогическое дерево моей мамы, Эсфири, выглядит таким образом:

- Янкель** Эльцфон(1855? Краслава-) ♥ **Лея**(1855?-)
 - Геня Эльцфон(1878-1958 Рига) ♥ Исаак Шляпин
 - Абрам Шляпин(?-? США)
 - Лиля Шляпин(1943,США)
 - Наум Шляпин(1946,США)
 - Миша Шляпин(?-?,Изр) ♥ Таня
 - Лиля Лейб(1950-2012 Хайфа)
 - Рая Шрайбер(?,Изр)
 - Мейер Шляпин(?-1941,Двинск)
 - Таня(Тауба) Шляпина(1909-1984 Рига) ♥ Абрам Вассерман(1904-1976 Рига)
 - Мира Шляпина(1906 Краслава-1983 Рига)
 - Женя Шляпина(?,Изр)
 - Роза(Шушана) Шляпина(1915-1995,Изр) ♥ ?? Столяр
 - Йоннатан
 - Шайк(-?)
 - Меир(?,Англия)
- Елена Эльцфон(1890?-1941 Двинск) ♥ Юлий(Юдел)Фейгин (?-1941 Двинск)
 - Эльга Фейгина(1913 Двинск - 2000Дюсс.) ♥ Вульф Копыловский(1910-1993 Рига)
 - Юлий Копыловский (1947 Рига,Дюссельдорф) ♥ Тамара
 - Люба Фейгина(1919 Самара-1982 Рига) ♥ Лазарь Вапне(1917-1993 Рига)
 - Григорий Вапне(1946 Рига)
 - Максим Вапне(1977 Рига)
 - Леонид Вапне(1951 Рига)
 - Александр(1975 Рига),
 - Любовь(1986-2008 Рига),
 - Лазарс(1996 Рига, Изр)
 - Фаня Фейгина(1922-1941 Двинск)
- Израиль Эльцфон(1890?-1941 Краслава)
- XXX Эльцфон(1880?-1900 Краслава) ♥ Исаак Музыкант
 - **Эсфирь Музыкант**(1900 Краслава-1969 Рига) ♥(1924) **Леопольд Энгельсон**
 - Яков Энгельсон (1925 Рига) ♥ Ирина Ярхо(1928 Витебск -1997 Рига)
 - Леонид Энгельсон(1955 Рига, Стокгольм)♥ Елена Миртова//Галина Зайцева
 - Анна(Ася) Энгельсон(1980 Рига)♥ Кристиан Хейдорн//Даниель Гейдж
 - Мэри Элизабет Хейдорн(2002 Вашингтон)
 - Александра Ривер Гейдж(2015 Вашингтон)
 - Мария Энгельсон(1995 Стокгольм)
 - Вадим Энгельсон(1965 Рига)♥ Елена Турецкая(1969 Минск)
 - Даниэль Энгельсон(1998 Линчэпинг)
 - Белла Энгельсон(2001 Линчэпинг)
 - Эстер Энгельсон(2006 Линчэпинг)
 - Иссарион Энгельсон(1941 Рига-1990 Ленинград)
 - Дмитрий Энгельсон(1968 Ленинград) ♥ Лариса Волкова
 - Сергей Энгельсон(1971 Ленинград)♥ Ирина Пикалова
 - София Энгельсон (1995 Ленинград)

Из 17 человек этого дерева, живших в Риге или Краславе в 1941 году, от нацистов погибло 5.

Известными на нынешний момент родоначальниками семьи матери являются Янкель Эльцфон и его жена Лея. Жили они в Краславе. По данным архивов, вероятно это Фейга-Лея, а её отца звали Шлема-Янкель и она родилась в 1855 году в Двинске.

Краслава - небольшой городок в 40 км на восток от Двинска (Даугавпилса), принадлежавший Витебской губернии. У Янкеля было четверо детей: Геня, Елена, Израиль и дочь Х (мать Фиры, имя неизвестно).

Геня вышла замуж за ХХ Шляпина и у них было трое сыновей: Абрам (Абраша), Миша и Мейер и 4 дочери Таня, Мира, Женя и Роза. Абрам, Миша, Женя и Роза в разное время уехали в Израиль. Таня и Мира после войны жили в Риге и там умерли. Часть их мебели была увезена на дачу в Саулкрасты.

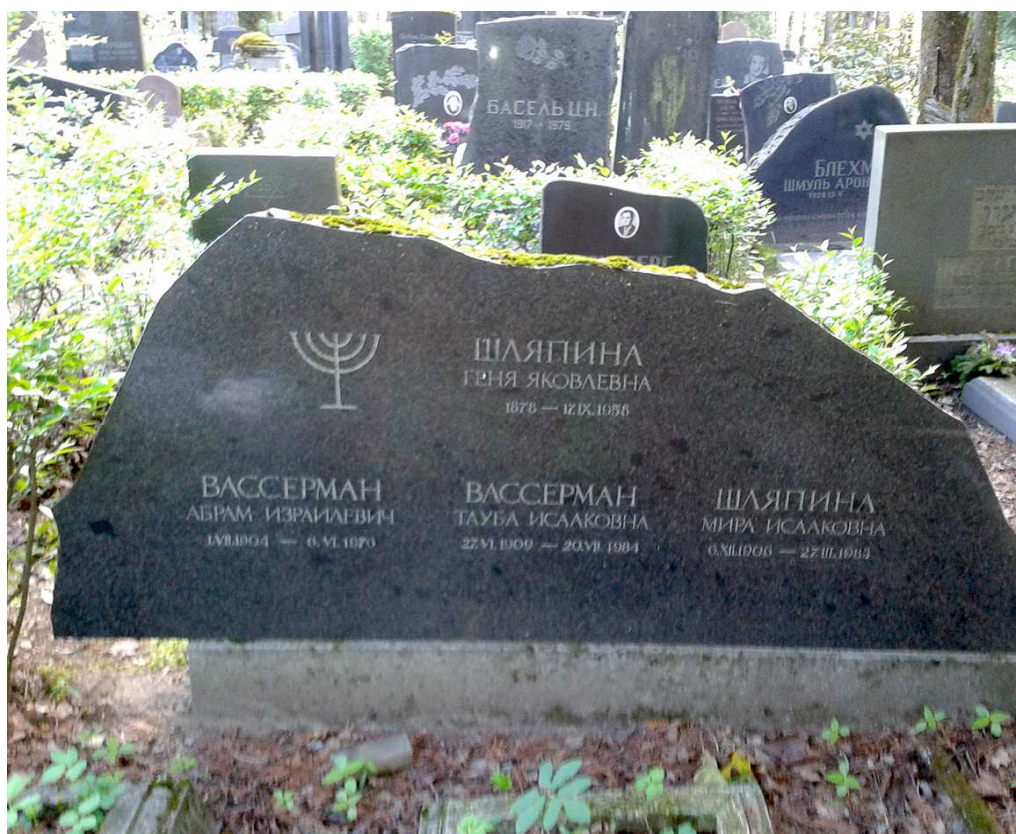
Роза уехала в Израиль в 1934-1935. Григорий Вапне навещал ее в кибуце Мосада (возле г. Тверии) в 1989. Григорий вспоминает: *С Меиром (который живет в Англии) мы познакомились в 2001, когда он с Раей Шрайбер и ее мужем приезжали на 2 недели в Ригу. Ему у нас понравилось. Я с ним на плоту 3 дня сплавлялись по Гауе от Цесиса до Сигулды.*

Лиля Лейб жила в Хаифе(Израиль)

Лея (бабушка Лея или бобе Лея на идиш), 1920-е годы. Она воспитывала свою внучку Эстер.

Елена вышла замуж за Юлия Фейгина и у них было три дочери Люся (Эльга), Люба, и младшая дочь Фаня. Любовь (Люба) родилась в Самаре, где во время 1 мировой войны семьи Фейгиных и Гени Шляпиной проживали в эвакуации. Затем семьи Фейгина и Шляпиной возвратились в Двинск.

Могила Гени Эльцэфон (Шляпиной) на кладбище Шмерли в Риге

Юлий(Юдел) Фейгин был очень деловым и успешным, как в Самаре, так и в Двинске. Он много занимался благотворительностью, содержал домашнюю синагогу. По рассказам Люси и Любы бабушка Хелена и их тетя -- зубной врач (может это Анна) -- каким то образом поддерживали Эсфирь. После 1930 года дела у Юдела не заладились и он не смог дать образование младшим дочерям. Люба научилась шить и стала портнихой - обшивала всю родню и окрестности.

До войны они жили в Даугавпилсе (Двинске). Елена и Юлий содержали небольшой ресторан. В Двинске Фаня во время войны осталась с родителями где они все и погибли. Мейер погиб там же (и это скрывали от Гени).

Эльга перед войной переехала в Ригу и работала в Прибалтийском Военно-строительном Управлении, где также работали мои родители. После войны она вернулась в Ригу и вышла замуж за Вульфа Копыловского (1910-1993), у них в 1947 г. родился сын Юлий.

Эльга, Юлик и Вульф, примерно в 1950 г.

Вульф умер в Риге, а Юлий в 1999 году эмигрировал в Германию с матерью и женой Тамарой. Они жили в Дюссельдорфе, где Эльга долго болела и умерла.

Люба перед войной жила в Риге и работала портнихой, вышла замуж за Лазаря Вапне, они после войны жили в Риге и там умерли. Их 2 сына Григорий и Леонид, живут в Риге. Григорий пишет: моя мама и т. Люся всегда с большой теплотой рассказывали о своих родных. Я хорошо помню Фиру (Этти) и Лёву. Помню теплоту в отношениях сестер. Не пропускались дни рождения, ходили друг к другу в гости. Они всегда присутствовали на наших застольях, и не заострялось внимание на разнице в социальном положении.

Этти была очень занятым человеком. Помню: "Люба! Саше и Яше побольше полей укусом". С ее смертью контакты уменьшились. Общаться стали на свадьбах и похоронах, Ира Ярхо ездила к Любе(моей маме) шить платья.

Израиль женился и жил до войны в Краславе.

В Горьком во время войны жила дальняя родственница Рахиль Эльцфон.

Другие Эльцофоны.

Иосиф Эльцофон(1889 Краслава-1938 Ленинград) ♥ Сарра
└Яков Эльцофон(1924 Ленинград)
└Александр Эльцофон(1947)
└Виктор Эльцофон(1954)
└Ефим Эльцофон(1928)
└Этта Эльцофон
└Дора Эльцофон(?-1980)

Лейба(?-1941, Погулянка) ♥ Сара/Сосель/Софья(-Погулянка 1941)
└Гирш/Григорий(1917- 1943, под Старой Руссой)
└Соломон/Зяма(1918-1941 в Ленинградской обл)
└брат(-1977)
└брат(-) ♥ жена(-)
└дочь(1938-1942)
└Геня Шехтман(1949)
└Ривка(?-Погулянка 1941)
└Тевье(?-Погулянка 1941)
└Шлёма(?-Погулянка 1941)
└Семён(?-Погулянка 1941)
└Гиршел(?-Погулянка 1941) ♥ Нехама

└Рахиль Эльцофон(?-?Н.Новгород)

Пока мы не знаем, были ли еще два сына у Янкеля Эльцофона - Иосиф Яковлевич и Лейба Яковлевич. Пока это лишь гипотеза.

В «Книге памяти» Новгородской области упомянут Иосиф Яковлевич Эльцофон, родившийся в Краславе в 1889, беспартийный, парикмахер артели «Луч» живший в Старой Руссе, арестован 17.2.1938 и расстрелян в Ленинграде 28.7.1938.

Среди участников парада 9.5.2013 на Красной площади из города Серпухова упомянут Яков Иосифович Эльцофон (родился в 1924 году в Ленинграде), ветеран Великой Отечественной войны. Его сыновья Виктор(1947) и Александр(1955) , брат Ефим(1928) и его сын Леонид(1962) живут в Серпухове.

Вот что написала его правнучка, София Эльцофон:

(http://serpumc.ucoz.ru/Odarennie/sbornik_uchashhikhsja_2015_osnovnoj_chast_1.pdf)

Яков Эльцофон родился в Ленинграде 14 ноября 1924 года. Его родители: отец - Эльцофон Иосиф Яковлевич и мать – Сарра Бенционовна родились и жили в Латвии, в городе Рига, но были вынуждены покинуть свою Родину в связи с гонением на лиц еврейской национальности. В 1931 году отец был арестован по обвинению в нелегальном

переходе границы СССР – Прибалтика и осужден на 5 лет. Маленький Яков, его младший брат и мама были высланы в Сибирь, в город Усолье, где проживали до возвращения отца из мест заключения. Отец вернулся в 1936 году, и семья переехала в город Старая Русса. В начале 1937 года по городу пошли слухи об арестах. В ночь на 17 февраля 1938 года Иосиф Яковлевич был арестован по подозрению в шпионаже. После этого жизнь резко изменилась. Сарру Бенционовну как жену «врага народа» сразу уволили с преподавательской работы. Семья осталась без средств к существованию. Из заключения Иосиф Яковлевич уже не вернулся.

В Нижнем Новгороде есть могила Доры Иосифовны Эльцофон (1900?-1980). Возможно, это сестра Якова Иосифовича?

Лейба Эльцофон был в Даугавпилском гетто. Возможно, именно он упоминается в рассказе о Двинском гетто краеведа Залмана Якуба: *"(2 августа 1941 года) Перед войной в Даугавпилсе было около сорока синагог. Разумеется, религиозные евреи в гетто сразу же приступили к молитвам, Из города принесли молитвенники. Одну из казарм превратили в синагогу. Но затем руководство гетто опомнилось: «Вы собираетесь в свою молельню и просите своего Б-га, чтобы он послал на нашу голову страшные проклятия. Этого допустить нельзя». Они заставили Лейбу Эльцофона выкопать во дворе гетто яму, в нее свалили священные свитки, Тору и сожгли. Синагогу ликвидировали."*

Гирш Лейбович Эльцофон из Двинска, род. 15.3.1917, зам. по политчасти командира роты, погиб под Старой Руссой 03.04.1943. Он не был захоронен и только в 2008 поисковый отряд "Фронт" обнаружил его медальон в д.Пенно у Старой Руссы. Он захоронен 7.5.2008, в Новгородской обл., Старорусский р-н, д.Давыдово, военный мемориал на кладбище. Этот поисковый отряд связался с Еврейской общиной в Риге и им удалось найти племянницу Гирша, Гену Шехтман в Израиле. Имеется и подробная статья об этом. (<http://www.kirpravda.ru/2866>.) Геня пишет *"Гирш Лейбович, мой дядя, родился в многодетной семье, у него было шесть братьев и две сестры. У меня есть историческое фото их семьи до войны. Трое сыновей ушли на фронт, из них вернулся только один, который умер от рака лёгких в 1977 году. Мой отец до войны работал на железной дороге и, когда началась война, получил бронь. Он сопровождал людей, которых вывозили в тыл. Так он жил с моей матерью и дочкой, которая умерла от голода и болезни в 1942 году, ей было всего четыре годика. А вся семья, которая осталась в г. Двинске, была сожжена фашистами в концлагере Саласпилс."* . Согласно показаниям Гены Шехтман которые хранятся в музее Яд ва Шем, семья погибла в Погулянке под Двинском.

Соломон Лейбович Эльцофон, командир взвода, род 1918, погиб 31.12.1941. Соломон и Гирш воевали в составе 201-й Латвийской стрелковой дивизии. С 1942 она стала именоваться 43-й гвардейской Латышской стрелковой дивизией.

На генеалогических ресурсах Интернета можно найти много Эльцофонов; все они из Двинска или Краславы, но к сожалению никаких родственных связей между этими семьями установить не удастся.

В музее Яд Ва Шем собрана информация о еще нескольких Эльцофонах из Краславы или Двинска: Сарра(1930) ,Сима (1927), Муся (1933), Хана (1933) и их родители Хая Вульфовна и Зольман Савелиевич Эльцофон (1903) эвакуированы из Двинска. В списке жителей Латвии (около 1930) упоминаются Фейга-Лея (дочь Шлемы-Янкеля) Эльцофон (Двинск 1855),Зельда Залмановна Эльцофон (Краслава 1904) , Иуда Фальк Эльцофон (Двинск 1911).

Во время переписи 1895 года в Двинске на ул. Огородной 10 кв 2 жили Шевель Янкелевич (1866), (сапожник) его жена Рахель (Крут) (1872), сын Гирш-Лейб (1893) и дочь Гутель (1895).

Симсон (1818) и Малка (1825), и их дети

Берка(1838),Довид(1867),Фалка(1861),Гирш(1848) и его жена

Песа(1849),Михель(1863),Носон(1849) и его жена Ривка(1850), Тевель(1851)и его жена

Роша-Эстер(1855) - все они переехали из Двинска в Краславу в 1877.

Братья **Мендель**(1823), **Янкель**(1827) и его жена Сора(1840), **Мейер**(1826) и его жена Этка и сын Ицик(1872) с женой Малкой(1874) - тоже переехали из Двинска в Краславу в 1877; мать этих братьев – Лея(1785).

В гетто погибли Этель(1886),Хаим(1931),Мозес(1938),Нехама(1916),Шнеир(1905).

В Двинске жили и похоронены Т?(1931-2000) и Пейсах (1921-1978).

Эльцафан (עלצאן) (может произноситься по разному и означает "тот, кого Б-г защищает") упоминается в Торе как правнук Леви, основателя одного из колен Израилевых.

Моя мама, Эсфирь(Этя)

Моя мать – Эсфирь Музыкант (в еврейской среде её звали Этя, в русской — Фира) родилась 1900.04.24 .в небольшом латгальском городе Краславе на юге Латвии. Её мать (XXX, её имени не знаю) умерла во время родов, а отец – Исаак Музыкант жил в российском городе Дно, поэтому она с отцом мало была связана и в основном жила и воспитывалась у родственников матери, в первую очередь бабушки Леи Эльцофон. Поэтому окружающие звали её Этей Эльцофон . В детстве и юности она была жизнерадостной веселой девушкой, певуньей и плясуньей, энергичный и упорный характер сохраняла всю жизнь. По её рассказам, про неё была создана песня на языке идиш , который был одним из разговорных в семье :

„Шейн из Эте Элицофон, шейн ви алэ зибен зунен, ун йэде маме вет зэх виншен, аз зи зол зайн ир зунс а калэ“. Перевод: „Красива Этя Элицофон, красива как все семь солнц, и каждая мама бы желала, чтоб невестой её сына она стала“. (Буква «и» вставлена в слове Эльцофон для рифмы)

Видимо, с отцом Исааком они не сошлись характерами, потому она уехала не к Исааку, а в Харьков, где училась в гимназии (Исаак видимо вообще не был никогда в Краславе). По окончании гимназии переехала в Ригу, где училась в Латвийском университете и закончила юридический факультет в 1924 году. (Об этом упоминает «Латвияс Вестнесис» 5.2.1925). К этому времени она познакомилась с Леопольдом В 1924 году Эсфирь и Леопольд поженились, а 29-го июля 1925-го года у них родился сын Яков, по домашнему — Яша (это я). Назвали меня в честь прадедушки Янкеля.

*Фи́ра в 1940 году, фотокарточка
оторвана от какого-то документа.*

Энгельсоны - семья отца. Мой дед Шмуэль.

Родословную Шмуэля Энгельсона можно проследить от примерно 1750-1770-х годов. Эта родословная заслуживает отдельной книги. Мы начнем изложение именно со Шмуэля. Был у Шмуэля непутевый брат, и о нём тоже будет рассказано в другой книге.

Шмуйло, как его звали на местный манер, родился в городе Борисове, в нынешней Беларуси, в 1858 году (согласно ревизским сказкам) или 1.02.1854 (по латвийскому паспорту). В 1874 он еще жил в Борисове, а в 1885 уже живет в Риге. В 1900 году его адрес — Мельничная (Дзирнаву) 134.

Как пишет Виктор Шатц, Шмуэль освоил сначала одну из традиционных еврейских профессий — изготовление папиросных гильз. В то время курильщики изготавливали папиросы самостоятельно. Для этого использовали покупной табак, которым заполняли гильзы — специальные трубочки изготовленные из двух сортов бумаги — очень плотной и очень тонкой (отсюда термин папиросная бумага). Это стало началом его коммерческой карьеры. «Лифляндские губернские ведомости» 22.3.1895 пишут что на станции Рига Энгельсона ожидает груз табачных изделий от г-на Шапошникова из Петербурга. Шмуэль получает разрешение поселиться в Риге и становится владельцем табачных складов в Риге и Елгаве, и табачной фабрики в Симферополе. Этим же занимается, судя по переписи населения 1897 года, его брат Янкель.

Шмуэль сделал состояние до первой мировой войны на продаже табака и на табачном производстве. В семье говорили, что он был фабрикантом, т. е. предпринимателем организовавшим фабрику на собственные деньги. Были и неприятности - газета «Латвиешу Авизес» пишет 17.1.1903 о грабеже и взломе погреба торговца табаком Энгельсона на ул. Вемеру 18.

В какой-то момент он жил в Даугавпилсе: известно что он и его брат Янкель жертвовали деньги в фонд «колонизации Эрец-Исраэль — эвакуация из Одессы» в 1890-1903 .

«Балсс» 6.4.1907 пишет, что и папиросы «Польза» фабрики Рутенберга продаются в магазине Энгельсона. Эта фабрика — одна из самых больших табачных фабрик в Риге. Как мы обнаружили во время ремонта в 2007 году, её рекламные плакаты использовались как основа для приклеивания обоев в нашей квартире. «Дзимтенес Вестнесис» 21.6.1908, «Латвиешу авизе» 18.2.1909 и «Садзиве» 17.1.1912 помещают рекламу папирос «Лурих» (и «Фамос» с фабрики «Оттоман» из Санкт-Петербурга) доступных на складе у Ш. Энгельсона на ул. Пилс 7 или 10 (в Елгаве) , и Келверу 14 (только в 1908, видимо, в Риге). «Дзмтенес Вестнесис» 24.10.1912 помещает объявление о поиске работника, торгового агента, знакомого с табачной торговлей в городе, а работодателем указан Ш. Энгельсон на Суворова 10. Так в то время называлась улица Кр. Барона.

Табачная фабрика и торговый дом «Оттоман» располагались по ул. Колокольной 8 в Петербурге. По крайней мере в период с 1896 до 1912 года владели ими пара караимской веры из города Бахчисарая (около Симферополя) — Фумла Соломоновна Кальфа и Яков Соломонович Эгиз, а затем 2-й гильдии купец Исаак Яковлевич Эгиз. Вероятно с этими людьми Шмуэль вел бизнес. Фабрика упоминается в списке 11 российских табачных фабрик, обладавших самой высокой репутацией.

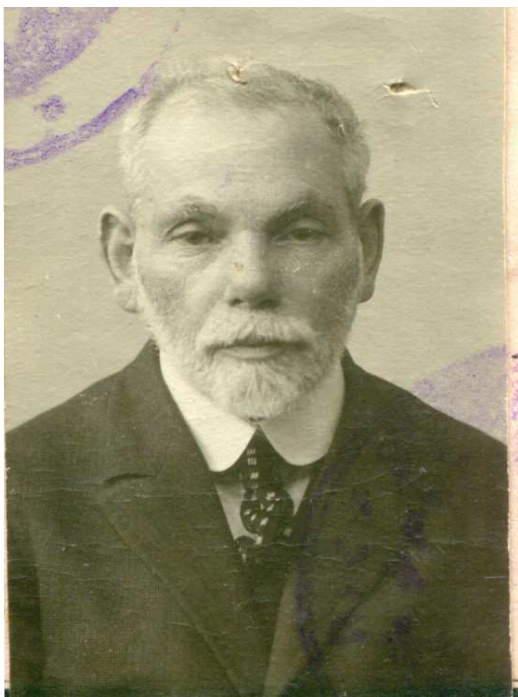
Несомненно, в эти годы в табачном бизнесе крутились большие деньги. В 1913 году Русская табачная компания была учреждена с целью скупить большую часть табачных производств в Прибалтике, Польше и юго-западе России, в т.ч. фабрику Рутенберга и Майкапара в Риге.

30 ноября 1909 года Шмуэль покупает два пятиэтажных дома по улице Суворова 8 и 10 (так называлась улица Кришьяна Варона до 1923 г). Шмуэль поселился с детьми и жил

Здания на Кр. Барона 10 (слева) и 8 (справа) практически не изменились с момента постройки. Фотография Google 2014 года.
там до 1941 года, сдавая внаем лишнюю площадь.

Дома эти проектировались известным рижским архитектором Бауманисом и были построены в 1879 году. Уникальный 5-угольный лифт был встроен в здание в 1914 году.

Шмуел, 1930-е годы

Ханна, 1930е годы

«Яунайс Вардс» 5.2.1915 пишет, что синдикат оптовых торговцев табаком Прибалтики «Балтияс Экспортс» был учрежден 11.1.1915 с капиталом в 1 миллион рублей (10000 акций по 100 рублей). В синдикате участвует Рижский купец 1-й гильдии И.Л. Мюльман, Псковский купец 1й гильдии Б.И. Шапиро и Петербургский купец Ш.Л. (Шмуэль Лейбович) Энгельсонс.

Началась первая мировая война, в 1915 году из Риги часть населения эвакуировалась и по крайней мере Леопольд оказался в эвакуации в Петербурге, а Шмуэль в Симферополе.

Вот что он пишет из Симферополя в Ригу своей дочери Таубе в августе 1917 года: *«нам очень хотелось ехать в Ригу, но не знаю сможем ли теперь вернуться. Нам очень жаль что не можем видаться. На случай если нельзя будет писать прямо в Симферополь, то ты можешь писать по адресу Фани в Лозанну».*

«Интернационале» (23.4.1927) пишет, что домовладелец дома на Суворова 8-10 пострадал от коммунистов 21 марта 1919 года. Еще один адрес домовладельца Энгельсона, Трокшня 23 упомянут в «Интернационале» (7.5.1927). Видимо речь тут о национализации, которую своими декретами проводило правительство Стучки в последние дни существования. Можно предположить, что эта газета социал-демократов, настроенная против большевиков.

«Балтияс Зиняс» 26.6.1919 пишет, что Шмуэль пожертвовал 100 рублей Красному Кресту.

После первой мировой войны и революции в России связи с поставщиками и клиентами на востоке оказались разорваны и успешный бизнес пришлось свернуть, - пишет Виктор Шатц.

Энгельсоны - семья отца. Дети Шмуеля.

Так выглядит генеалогическое дерево потомков Шмуеля. В скобках — имена , которые использовались в домашней среде.

Шмуэль (1854.02.01-1941.08.08) ♥ Ханна Бюргер (1854-1935)
├ Израиль-Вульф(Володя) (1882.04.09-1941) ♥(1906) Мария Гурвич (Варшава 1884-)
├ Израиль-Вульф (1882.04.09-1941) ♥ Голда(Оля)Перлман (Киев 1886.02.12-1941)
│ └ Евгения(Женя) (1909.10.27-1941)
│ └ Алекс (1915.03.17-1941 Naro-Fominsk)
├ Таубе(Таня) (1885.09.13/1884.04.09-1961) ♥ Соломон Шатц (1876-1942)
│ └ Давид Шатц (1908-1986) ♥ Вера Воробьева (1921-?)
│ └ Виктор(1945-) ♥ Ирина Кручинина (1945-)
│ └ Элеонора (1951-) ♥ Марк Раппопорт (1951-)
├ Сара-Фейга(Фаня) (1885.04.27-1941.11.30) ♥ Рубен Фридман (1884-1940)
├ Мордхель(Макс)(1887.04.19-1956) ♥ ??
│ └ Ребекка (1908-?)
│ └ Леон (1915-?)
├ Мордхель(Макс) (1887.04.19-1956) ♥ Таля-Гитель Свидер (Польша 1898.08.21-?)
│ └ Адольф(Адя) (1925.09.17-?)
├ Голда (1889-1889)
├ Роза (1893-1926) ♥ Исаак Перлман (1883-)
│ └ Александр Перлман (1923-?)
├ Леон (1895-1897)
├ Либа(Лина) (1895.12.11-1941)
└ Леопольд(Лева) (1898.11.26-28.12.1976 Ленинград) ♥ Эсфирь Музыкант (1900-1969)

Из 14 человек этого дерева, живших в Риге в 1941 году, от нацистов погибло 7.

После первой мировой войны в Риге жили три сына (Володя,Макс,Лева) и четыре дочери (Таня,Фаня,Роза,Лина) Шмуеля.

Шмуэль Энгельсон владел домами №8 и 10 по улице Кришьяна Барона в Риге, в них при мне сначала жили все его вышеупомянутые дети и их семьи. Во всех семьях разговаривали в основном по-русски и по-немецки. Немного также был в ходу еврейский (идиш), на котором мои родители говорили, когда не хотели, чтобы я понимал. Латышским пользовались на работе.

Ханна — моя бабушка. «Валдибас Вестнесис» 25.8.1924 пишет, что Ханна Израелевна Энгельсон (жена Шмуэля) подарила дочери Фейге Фридман недвижимость в Даугавпилсе на ул. Миесниеку 12А, 12В, 9В.

Володя получил образование в Швейцарии (Университет Берна, 1903 год) . Там он женился в первый раз - на Марии Гурвич, студентке университета Цюриха. Его вторую жену звали Оля (Голда). У них родились сын Алекс (погиб около Нарофоминска под Москвой в 1941 г.) и дочь Женя. Женя (Эйгения) упоминается в газетах в декабре 1940 г. как член избирательного комитета по выборам в Верховный совет СССР от рабочих и служащих предприятия «Курземес мануфактура». Женя участвовала в Рабочей Гвардии, которая пыталась оказать сопротивление немецким войскам. В первых числах июля 1941

года около моста Брасса, когда она пыталась убежать из Риги, ее схватили латышские коллаборационисты и убили .

Макс и его жена Таля имели сына Адольфа, почти на год моложе меня. Адольф упоминается в газетах 1940 года как кандидат в комсомол. «Брива Земя» 12.3.1940 пишет что он вместе с Исааком Каном выступал на концерте учеников консерватории. Максудалось эвакуироваться в Россию. С Адольфом я дружил в детстве и встретился в Первом Отдельном Латвийском Запасном стрелковом Полку (1 ОЛЗСП) в 1943 году в Гороховецких лагерях в Ивановской области. Он тогда подлежал демобилизации и уговаривал меня обменять мою новую военную форму на свою старую, но я не согласился. Во время или после войны Макса сослали в сибирские лагеря. Адольф умер от туберкулёза в советской тюрьме где-то в 1953-1956 году. После войны мы с Максом и членами его семейства не встречались и никакой связи не имели. По данным архива кладбища Шмерли в Риге он умер и похоронен там в 1956 году.

Леопольд был младшим сыном (род.1898 г.) домовладельца **Шмуэля** Энгельсона. В 1909 году он поступил в реальную школу А. Миллера в Риге. В 1917 году он закончил Варшавскую реальную школу в Петербурге. Согласно архивам, он в 1917 году поступил Петроградский технологический институт. Затем он вернулся в Ригу и поступил в университет. Он учился там на механическом факультете, но в 1922м году занятия в университете прервал. Работал служащим в различных фирмах (в 1923-1924 годах он был кассиром, курьером и рабочим фабрики «Космос»), иногда был безработным.

«Рижский вестник» за 20 октября 1931 года пишет что «Леопольд Энгельсон получил латвийское подданство (uzņēmts pavalstniecība) », видимо для него эта процедура не была автоматической и какое-то время у него не было гражданства.

Характер Леопольда спокойный, уравновешенный, в сложной обстановке не очень решительный.

У **Тани(Таубе)** и её мужа Соломона Шатца был сын Давид. О них подробно рассказал в своей книге Виктор Шатц.

У **Фани(Фейги)** и её мужа Рудольфа Фридмана детей не было. Фаня во время первой мировой войны была в Лозанне. Она осталась в Риге, когда вошли немцы и 16 октября 1941 года была помещена в гетто, где она и погибла. У нее был счет в Стокгольмском банке, который не был востребован в течении 60 лет. Виктор Шатц помог организовать возврат денег и возвращенные деньги были частично использованы на ремонт Дома Энгельсонов — Барона 8.

Лина(Либо) осталась без мужа. После или во время первой мировой войны она была в Петербурге: в архивах Петроградских высших женских историко-литературных и юридических курсов имеется ее личное дело. Курсы были открыты в 1906 г. с целью дать слушательницам высшее университетское образование по историко-филологическим и юридическим наукам. Позже она жила в Латвии, но в какой-то момент оказалась в Цюрихе. 22 ноября 1932 года она поместила в банковской сейф 170 золотых монет и оплатила услуги Цюрихского банка на год вперед. Всего через 9 лет Либо погибла в Рижском гетто. Леопольд вспоминал после войны что какие то деньги лежали где-то в Швейцарии, но воспользоваться или даже афишировать этот факт в условиях советского режима было опасно. За хранение банк регулярно забирал несколько монет ежегодно. В 1997 году Швейцарские власти под давлением Всемирного Еврейского Конгресса

потребовали от банков выплатить деньги жертвам Холокоста - наследникам невостребованных счетов — таких с владельцем которых банк не имел контактов в течение 60 лет. Среди опубликованного списка владельцев счетов оказалась и Либо Энгельсон из Риги. Как пишет «Диена» 24 июля 1997, она одна из 11 жителей Латвии опубликованных в самом первом списке. Виктор Шатц помог организовать возврат денег и возвращенные деньги были частично использованы на ремонт Дома Энгельсонов на Барона 8.

Младшая из сестер **Роза** была замужем за Исааком Перельманом и умерла в 1926 г., когда её сыну Александру было 2 года. (3.2.1926 они заключили брачный договор — «Валдибас Вестнесис», 9.3.1926)

В середине 30-х годов Шмуэль поделил свое домовладение, завещал дом №8 дочерям, а №10 – сыновьям, но через некоторое время сыновьям пришлось свой дом продать в 1934 году Максу (возможно, Мовша) Натансону. В 2003 году Джорж Мозесон из Мичигана, США, правнук этого (или другого) Макса Натансона связался с Вадимом, но для денационализации было уже поздно. Так как в Риге было несколько Натансонов, истину так и не удалось выяснить.

Аукцион о продаже принадлежавшего Шмуэлю 10-го дома был объявлен в «Латвияс Вестнесис» 2.1.1931, и дом оценивался в 380000 латов. Живший до этого вместе с женой в доме №10 кв.8 Шмуэль переселился в дом № 8 кв. 3, где с ним жила и за ним ухаживала дочь Лина, (жившая до этого в Швейцарии?), а жена его Ханна с домработницей стали жить в кв.2 первого этажа того-же дома, а семья Леопольда, жившая вместе с семьей Макса в 23-ей квартире дома №10 (вход туда с Парковой (Алфреда Калныня) улицы, а не с Кр. Барона) переселилась в кв. 10 дома №8. Семья Макса осталась в квартире 23 дома №10.

В нашей 10-й квартире мы занимали только 2 комнаты с паркетом (его постелили в 30-х годах на деньги Шмуэля), а все остальные комнаты сдавались. На кухне была и дровяная плита с двумя конфорками, и газовая плита (газ был введен в 30 годы).

Endel V., Doma lauk. 7.	
SKE lod. gultņu un transm. nod.	21164
Mašīnu nodaļa.	21165
Elektrotechn. nod. ASEA.	21167
Grāmatvedība.	21166
Dzīvoklis, Mazpulku 11.	56336
Engelbergs M., Stabu 65.	97633
Engelbrechts Julius, Vēja 27.	42025
Engelmann Paul, Tiesu palatas loceklis,	
Ausekļa 9.	30754
Engelson S., Kr. Barona 8.	21898
Engelsons L., Kr. Barona 8.	20651
Engelis Roberts, pārtikas preču tirgotā-	
va, m. Kandavas 7.	49242

Телефонный справочник Риги за 1940 год упоминает: "Engelson S., Kr Barona 8 Tel. 21898; Engelsons L., Kr Barona 8 Tel. 20651; " .

В июле 1940 года, с приходом советского режима, дом был передан государству и лишь в 1990-е годы возвращен наследникам трех сестер.

Разного рода предпринимательством братья начали заниматься уже в молодости. И сразу — неудачно. «Дзимтенес Вестнесис» уже 13.9.1911 пишет о неплатежеспособности Мордхеля Шмуэлевича Энгельсона..

Коммерческая деятельность братьев Энгельсонов началась в 1923 году. «Латвияс Вестнесис» 28.11.1923 пишет, что департамент промышленности дал разрешение Максу открыть на Барона 10 мастерскую по изготовлению бумажных кульков. И «Полицияс Вестесис» 31.7.1925 рекламирует ее уже как самую большую в Латвии фабрику бумажных кульков из бумаги самых разных сортов. Продукция фабрики была награждена бронзовой медалью на промышленной выставке в Елгаве («Яунайс Земгалиетис» 29.9.1927). Появляются их рекламные объявления, утверждающие, что их мыло самое лучшее и экономное, а кофе самое изысканное («Дарбс» 6.12.1927). Латвийские газеты («Валдибас вестнесис» 9.2.1927) полны информации и о совершенно бесполезных вещах: так список всех вещей, найденных в бюро находок и не забранных пассажирами и грузополучателями, содержит 4 пакета с бумажными кулками на имя братьев Энгельсон. У братьев был представитель в Лиепе, некто Йехиель Беренхардс («Страдниеку авизе» 4.9.1927). Патентное управление сообщает, что братья зарегистрировали торговый знак (кораблик) для мыла.

Компания под названием «Братья Энгельсон» (Израиль, Мордхель и Леопольд) много раз упоминается в Латвийской прессе 1929-1931. «Ригаше Рундшау» 22.10.1929 и «Даугавпилс Зиняс» 25.10.1929 пишет, что они получили концессию на автобусное сообщение Даугавпилс-Резекне и билет будет стоить 3 лата.

Мой отец не имел постоянной работы, некоторое время вместе с братьями они владели пассажирской автобусной линией Елгава-Бауска, на которой Лёва исполнял также роль шофёра. Помню одну такую поездку автобуса, в 30 -е годы, в которой пассажирами были некоторые члены нашей семьи - брат Лёвы Макс, его сын Адольф и я. Вблизи города Бауска автобус ударился о твёрдое препятствие, от чего я соскользнул со своего сидения и больно ударился носом о переднее сидение. Адольф ударил щеку и руку. Но больше всех пострадал папа Лёва. Когда я вышел из автобуса, я увидел, что его лицо залито кровью. Оказалось, что перед автобуса ударился о пень, спрятанный в траве, от чего разбилось лобовое стекло и осколок рассек Лёве левую бровь, чудом не попав в глаз. Шрам от раны остался у него на всю жизнь.

А вот какую заметку (видимо, про другой случай) написал «Рижский вестник» за 17 августа 1930 года. «Автобус с пассажирами съехал в канаву. Автобус номер 7492, принадлежащий Леопольду Энгельсону (прож. на Кр. Барона 8), выполняя рейс по маршруту Елгава-Бауска через Рундалэ, в сторону Бауски, в 3 км от Елгавы съехал в канаву. Автобус вел Авсей Кац. В катастрофе пострадали Аугустс Цауне, прож. в Елгаве, ул. Лиетуvas 8 и Волдемарс Янаус прож. в Вецвирлаукас Стинбури. Пострадавшие доставлены в Елгавскую больницу. Янаус с легкими повреждениями отпущен домой. Цауне, у которого от стекла поранена голова, оставлен в больнице. Причины катастрофы выясняются.»

Газета «Педя Бриди» за 9.10.1931 дает еще одно описание катастрофы в августе 1931го года. Шофером автобуса Рига-Эргли был некто Васильев, а владельцем — Мордхель Энгельсон. На 23 пассажирских места было взято 38 пассажиров и кому-то пришлось

даже ехать на крыше. Пассажир упал оттуда, кто-то сломал руку, а Мордхеля присудили к штрафу в 1000 латов.

Газета «Баускас Авизе» 5.9.1930 пишет, что полиция составила протокол Леопольду за то, что он взял в автобус больше пассажиров, чем полагается, и это было не первое нарушение..

«Валдибас Вестнесис» объявляет 29.10.1929, что потерянный автобусный регистрационный номер 2270 более недействителен. 21.3.1929, 25.11.1930 и 10.12.1930 упоминается, что компания обанкротилась, и разные объявления об аукционах и собраниях кредиторов можно найти в этой газете. (24.2.1930 с аукциона продавалась грузовая автомашина «Форд»).

В 1930 году Леопольд и Макс заключили брачные договоры со своими женами.

В какое-то лето (скорее конец лета 1930). мы жили на одной сельской усадьбе в Бауске. Вспоминается сарай с огромной бочкой квашеной капусты., из которой я, приподняв крышку, пальцами доставал капусту для лакомства. .Рядом паслась стая гусей, которые часто атаковали меня. Это было лето, когда я познакомился с сельской жизнью. Увидел там и локомобиль — машину, к которой присоединялись всяческие сельские механизмы и машины, например, молотилка .

В дальнейшем Лёва занимал разные случайные места работы.

Газета «Кемеру зиняс» 6.8.1933 пишет, что Эсфирь Энгельсон явилась в Кемерскую купальню (пелдиестаде) как гость из Асари.

Были также периоды безработицы. Пришлось сдавать в наём часть комнат нашей квартиры. В конце 30-х годов дядя моей мамы Абрам Шляпин обучил папу профессии зубного техника, и в квартире была устроена лаборатория. Впрочем, достаток в семье был невысокий, и в некоторых случаях существенной была помощь дедушки Шмуэля. Он был добрым человеком и заинтересован в получении внуками хорошего образования . Когда мне пришлось в 1934 г. по новому закону прекратить обучение в 3-й городской немецкой школе и перейти в еврейскую, он финансировал мое обучение в частной еврейской школе „Эзра“, что мои родители сами не могли бы себе позволить.

Последние годы перед войной дедушка Шмуэль часто болел и лечился в Межапарке в санатории у доктора Хаха. Когда в 1941 году Рига была оккупирована немецкими войсками, он, понимая, видимо, что ждет еврейских жителей, нашел в себе достаточно силы воли, чтобы подняться на 5-й этаж своего дома №8 и броситься вниз на асфальт двора. Это нам после войны с уважением рассказали свидетели (вероятно, дворник дома-Дзелзкалнс).

Детство (1925-1941)

До 3-х лет я воспитывался в основном дома родителями и домработницами Из друзей помню двоюродных братьев Адольфа (Адю), с которым мы виделись через дворовые окна домов и вместе строили корабль из кусков дерева, и Александра Перельмана (Алю). . . . Затем я стал посещать детские сады. Туда меня отводил отец. Иногда я медленно одевался, и мы опаздывали, за это меня в детском саду ставили в угол, и я плакал. Я уже владел немецким языком, ходил в немецкий детский сад и готовился к поступлению в немецкую школу. В немецких школах уровень обучения и воспитания считался лучшим. Поэтому я поступил в подготовительный класс 3. городской немецкой школы (темно-бежевое кирпичное здание на углу улиц Менесс и Миера стоит и ныне), и я рано стал

ездить туда самостоятельно на трамвае до улицы Менесс. Ученики в классе были в основном немцы, я помню одного еврея, Сигизмунда Высоцкого, с которым я дружил и с которым мы часть дороги, до современной ул Таллинас, шли вместе домой. Антисемитизма мы не чувствовали, а если что-то похожее в разговоре проявлялось, ученики-немцы очень обижались на обвинения в гитлеризме. Мы участвовали в утренней молитве, где также говорилось о школьных делах. Насколько я понял, отношения с школьниками близких латышских школ были недружественными, и я попал в одну переделку, когда после занятий мы шли с группой немецких школьников и встретились с латышами. Последние на нас напали, но когда я крикнул по-латышски «что я вам сделал, что вы меня бьёте», они испуганные разбежались, один из них упал и, наверно, разбился, а на следующей утренней молитве завуч стала спрашивать, у кого была встреча с латышскими мальчиками. Указали на меня, и я оправдывался перед завучем, хотя я ни одного латыша и пальцем не тронул.

По окончании 1-го класса я, согласно приказу президента Улманиса, должен был перейти в еврейскую школу, а для этого нужна была небольшая подготовка по ивриту и английскому языку.

В Риге были 3 private еврейские школы — «Эзра», «Сабиедриска» («Общественная», в ней учился Александр Перельман), «Раухвергера» (туда ходил Адольф). Идиш в этих школах не использовался. Более бедные дети шли в государственные еврейские школы — там говорили и на идише.

После городской немецкой я был принят во 2-й класс private еврейской школы «Эзра» (на ул. Блауманя 26), которая считалась лучшей из еврейских private школ с немецким языком обучения. В классе было человек 40. Месячная плата за обучение была 25 латов, но, учитывая материальное положение нашей семьи, мне снизили её до 15 латов. Эту сумму платил, как я отметил выше, дедушка Шмуэль.

Одним из важных предметов в школе был государственный язык — латышский, которого боялись ввиду строгости преподавателей (сначала г-на Вилипа, затем г-на Хунау). Первый из них, зная, как его боятся ученики, играл на нервах, говоря много ненужных слов, прежде, чем назвать фамилию очередного вызываемого к ответу, например — «Сейчас мы попросим к ответу всем известного,...». После этого очередной отказывался, а для остальных нервотрёпка начиналась снова. Второй очень строго спрашивал сложные тексты из биографий латышских государственных деятелей. На этом и я погорел, когда не мог наизусть рассказать без ошибок о жизни и деятельности генерала Балодиса, назвав вместо Вильнюса Варшаву.

Вообще я с латышским языком познакомился еще в трёхлетнем возрасте дома. Тогда я простудился, валялся в кровати, и у нас появилась домработница Лиза, говорящая только по латышски. Она собралась мыть пол, принесла ведро воды и ушла на кухню за тряпкой, а я — выскочил из постели и опрокинул ведро. Когда она пришла и заохала, я сказал ей «Море!», после чего она еще громче заголосила. Но с этого конфликта началась наша многолетняя дружба с ней и с латышским языком.

Несколько позднее совершенствованию моего латышского языка способствовала дружба с Народным поэтом Латвии Янисом Райнисом, когда мы жили летом 1929 года на его даче в Майори, на Александровской улице. На той-же даче жила также его жена поэтесса Аспазия, которой я боялся. Это лето завершилось, к сожалению, трагично: через два дня после того, как он подписал нашу общую фотографию «в память о проведенном лете», он скончался во время сердечного приступа. Подробно эти события описаны в конце книги, в приложении.

Райнис и Аспазия в Майори в сентябре 1929 года, фотограф О. Метра, Литературный музей Риги. Одежда та же самая.

Слева направо - Ян Райнис, Яков Энгельсон, Эсфирь Энгельсон, Аспазия. Август 1929 года. Эта фотография - единственный предмет который сохранился у нас после войны.

Разговорным латышским языком я успел овладеть, что в дальнейшем помогло мне в работе лектора в университете и при создании учебных пособий на латышском языке. По желанию дедушки Шмуэля я в десятилетнем возрасте стал учиться читать русские книги, сначала под наблюдением папы Лёвы, а затем сам. Первой книгой был роман «Колония на кратере» Фенимора Купера.

В школе «Эзра» наш класс был довольно дружный, но особенно близким другом мне был Мейер Вестерманн, с которым мы просидели на одной парте от второго до последнего довоенного, т. е., восьмого класса. Разговаривали между собой мы по-немецки. Некоторые (в т.ч. Мейер) выучили русский намного позже.

Другим моим хорошим другом был Гуидо Гёрбер, очень умный парень и способный художник. Он погиб во время войны, наверно в гетто. В 7-ом классе, он меня защитил, когда против меня ополчились остальные ребята за то, что я заменяющей заболевшего господина Хунау учительнице рассказал правду о том, что было задано на прошлом уроке. Гуидо в классе был самым сильным, потому его защита была существенна.

Во время войны с нацистами погибла большая часть учеников нашего класса. М. Вестерману после гетто удалось спастись и воевать в партизанском отряде в Курземе, а затем окончить исторический факультет Латвийского Госуниверситета. После восстановления независимости Латвии в 1991м году и образования Латвийского Общества Еврейской Культуры (ЛОЕК) он создал при Обществе Музей истории евреев Латвии.

Мейер (Маргер) Вестерманн, 1945

Еще в нашем классе учился Миша Арс, который после образования государства Израиль был там министром обороны Моше Аренсом. Он родился в Каунасе, учился в школе в Риге, а в 1939 его семья уехала в США.

Мои родители любили музыку и уделяли внимание моему музыкальному развитию. Мелодии из оперы «Кармэн» и некоторых оперетт я знал еще до первого посещения оперного театра. Еще до школы я в шесть лет по инициативе родителей начал первое знакомство со скрипкой. Моим первым учителем был скрипач оркестра Латвийской Национальной Оперы Карл Вестен, живший в соседней кв.9 нашего дома через стенку. (Он уехал в Швецию во время войны и продолжал там работать скрипачом) Это были еще несерьезные занятия.

Через год я стал учиться у госпожи Левинсон-Глюк, а затем моим учителем стал господин Шерман, который уговаривал меня бросить учебу в средней школе, считая, что «двум богам нельзя служить- либо музыкальное, либо среднее образование ». Наконец, в 1938м году, я попал к Залману Талану, который оказался моим лучшим, но и последним скрипичным учителем. Он не жалел своего времени на уроке и если ученик не подготовился, отказывался от оплаты за урок. Этим он доводил меня до слёз, и я уже старался приходить на урок подготовленным. Дома приходилось заниматься 2-3 часа каждый день: гаммы, упражнения, этюды, концерты. При том занимался я под жестким контролем родителей.

У Талана было более 20-и учеников, от начинающих, например, его племянницы Риды, до Абрама Гуткина, совершенствующегося после окончания Консерватории. Каждый год весной в зале Латвийской Консерватории устраивался ученический концерт, на котором

выступали от 6-летних детей (в 1939м году Риды Талан) до зрелых скрипачей. Аккомпанировали лучшие концертмейстеры Риги например, Ян Сухов, с которым я в 1940м году играл 1ю часть концерта Крейслера — Вивальди, и Герман Браун, с которым на последнем концерте в марте 1941 года я играл 1ю часть 9го концерта Шпора. В то время я начал учить концерт Мендельсона и дошел весной до каденции 1-ой части.

Советская Латвия, 1940 год

17-го июня 1940 года в Латвию вступила Советская армия, что различными кругами населения было встречено по-разному. Те, кто страдали от безработицы и были плохо обеспечены материально, были довольны, рассчитывая на улучшение. Националистически настроенные люди, в основном латыши, сожалели о потере независимого государства. Мама Фира до этого работала кандидатом на судебную должность в судебной палате без оплаты. С приходом советских войск в Латвию в Риге появилось Прибалтийское военностроительное управление (ПрибовСУ, или, точнее, ПрибОВО ВСУ). Тем самым у мамы Фиры и папы Лёвы появилась возможность получить в этом управлении оплачиваемую работу. Для многих жителей Латвии, в частности, для евреев, ликвидация безработицы была положительным фактором.

У Шляпиных один из сыновей был коммунистом и участвовал в демонстрациях, приветствующих Красную Армию. Он был ранен в столкновениях с полицейскими, которые были за сохранение старого порядка, и его принесли к нам в квартиру для оказания помощи.

У Префектуры какие-то демонстранты нападали на полицейских и бросали их в канал. По радио выступил президент Латвии К. Улманис и сказал: «Соблюдайте спокойствие! Я останусь на своем месте, а вы оставайтесь на своих!». На самом деле, через некоторое время Президентом Латвии стал Профессор Аугустс Кирхенштейнс, был избран новый парламент и новое правительство во главе с писателем Вилисом Лацисом.

Осенью 1940 года наша школа стала 17 школой и стала русскоязычной, и у нас появился предмет «Русский язык», который я успел изучать 1 год. Преподавание же и разговорный язык между учениками продолжались по-немецки. (Мой сын Вадик после войны тоже учился в 17-й рижской школе на ул. Горького (Валдемара) д.2, но после войны адрес и номера школ изменились.)

Начало войны (1941)

23-го мая 1941 года, родился мой братик, которого назвали Иссарион. Это имя было придумано мамой Фирой с одной стороны в честь Иосифа Виссарионовича Сталина, а с другой — в честь её отца Исаака. Давать имена Иосиф и Виссарион было тогда запрещено. Но в дальнейшем, для удобства, Иссариона дома называли Сашей. Это неофициальное имя за ним закрепилось.

В начале июня 1941 года началась депортация людей, которые не заслуживали доверия советской власти, среди них - евреев побогаче, например, семьи моей тёти Тани Шатц. Её поселили в восточной Сибири, откуда она после войны вернулась в Ригу, а её мужа Соломона - в Коми АССР, где он погиб. У нас говорили, что они оба жили, чтобы трудиться, а не трудились, чтобы жить. Их сын Давид не был депортирован и прошел войну военным врачом.

Наступило утро 22 июня 1941 года, воскресенье. Я собирался на урок скрипки к Талану, который жил тогда на даче в Булдури. Но время было беспокойное, за 2 недели до этого

появилось сообщение ТАСС, в котором опровергались слухи о концентрации немецких войск у границы с СССР. Старший брат моего отца дядя Володя, которого в семье считали самым умным, сказал тогда, что это явный признак серьезности положения.

Ввиду такой обстановки, несмотря на мои возражения, утром было решено не ехать на урок 22 июня. Опасения подтвердились через пару часов. К нам прибежала напуганная бывшая квартирантка Анна (русская из гор. Горького) с двумя детьми, которая полгода назад уехала от нас с мужем лейтенантом на литовско-германскую границу (у нас она жила в большой комнате с окном во двор). Как только началась война, Анна уехала от мужа, который служил на границе.

Рассказав нам об ужасах первых часов войны на границе, она дождалась возможности эвакуации и, схватив детей, убежала, но успела на прощание крикнуть: «на всякий случай запомните адрес: город Горький, Тверская 24».

С Сашей, которому исполнился один месяц, мы провели 2й день войны, когда через окна нашей квартиры, обращенные на север, можно было наблюдать бомбардировку рижского аэродрома. Мама в это время не было дома. Она после родов уехала менять документы. Так как дома обстановка была довольно неудобная, я спустился с Сашей в 6-ю квартиру нашего дома к тётке Фане Фридман, и мы были там, пока не пришлось менять Саше пелёнки. Так началась моя карьера Сашиной няни.

Ночи мы проводили в подвале нашего дома, служившего бомбоубежищем. Обычно в подвале хранились дрова, и часть дров пришлось вытащить, чтобы разместить жильцов. Там рассказывались ужасы об уничтоженных немецкими бомбардировщиками эшелонах с эвакуированными жителями Риги и других мест. С каждым днем оставалось всё меньше надежды на спасение.

Мама и папа последний год работали в Прибалтийском Военно-строительном Управлении, (ПриБОВСУ) он- инженером по автозапчастям, она — юристом. 26-го июня, когда фронт явно приближался к Риге, нам позвонил начальник отдела, где они работали, и предложил прислать машину, чтобы помочь отправить наши вещи на вокзал для эвакуации на восток. Мамина родственница, тётка Эльга Фейгина (Люся из Даугавпилса, которая тоже работала в этом управлении, воспользовалась такой возможностью. Но папа Лёва считался военнообязанным и не имел права уехать без приказа. Поэтому на предложение он ответил: «мы не можем решиться отправить семью с маленьким ребёнком без отца».

А на следующий день уже было поздно: Управления в Риге уже не было. Началось массовое отступление красноармейцев через Ригу по улицам Кр Барона и Марияс, во время которого я, посланный мамой за молоком для Саши, застрял между улицами Дзирнаву и Элизабетес и, не достав молока, ещё заставил поволноваться родителей. Когда, наконец, поток солдат прервался и я попал домой, мы решили, что Красная Армия уже отступила и Рига находится на ничейной полосе, тем более, что с крыш и чердаков начали раздаваться выстрелы диверсантов.

Понимая, что с эвакуацией мы опоздали, мы решили остаться, распаковали ранее собранные чемоданы, стали сжигать собранные мною газетные вырезки, считая, что это станет запрещенной литературой. Но когда мама пошла к соседям попросить молока для Саши, те были поражены нашим решением остаться, семьей, в которой сын — кандидат в Комсомол, а родители работали в советском военном ведомстве, нацисты уничтожат наверняка.

Мы с родителями стали обсуждать что делать. Папа считал, что бежать некуда - при эвакуации разбомбят, а оставшись - будем убиты - «так погибнем и так погибнем», считал он. Мама считала, что надо попытаться спастись. Я активно был за попытку — бежать. Так хоть какая-то надежда спастись! Тогда папа побежал на вокзал, чтобы выяснить возможность эвакуации, а мы с мамой занялись срочной подготовкой к отъезду. Сначала

засунули в детскую коляску главное, самое дорогое, имущество - Сашеньку и мою скрипку, сверху положили единственный не распакованный чемодан (с гардинами) и покатали в сторону вокзала. Встретили папу, который не сумел ничего выяснить, и покатали дальше. На вокзале - полно народа, стоят поезда, никто не знает, поедут ли они, когда, куда и где взять билеты. Мама с Сашенькой на руках побежала к начальнику станции, а тот сказал: «Садитесь в любой вагон и ждите!»

Тогда мы без билетов выбрали почтовый вагон (в нем не было скамеек и можно было поместить коляску) одного из поездов и разместились: мама на корточках на каком-то пакете с головой на коляске с Сашей, я — на чемодане, а про папу — не помню. Через некоторое время вагон наполнился, и, наконец, поезд тронулся, когда было уже темно.

Когда наступил рассвет, мы заметили самолёт, который оказался немецким, и сопровождал нас до самой границы Латвии— в Ритупе, но никаких агрессивных намерений не проявлял, хотя заставил поволноваться. На границе поезд остановился и самолёт сбросил пару бомб, которые поезд не повредили, но машинисты поезда сбежали, и поезд застрял на несколько часов, пока не нашли машинистов, и поезд снова тронулся. Мы уже вздохнули с облегчением, считая, что опасности позади, но когда приблизились к г. Остров, мы попали в настоящую военную обстановку: на город совершался налёт, и ночное небо светилось ярко от взрывов бомб и снарядов. Наш поезд не пострадал и проехал дальше до Пскова, где повторилось то же самое. Дальше поезд двигался спокойно и медленно. Были остановки, на которых можно было за оставшиеся деньги купить еду и молоко для Саши, грудью мама боялась его кормить ввиду своего нервного состояния.

В эвакуации (1941-1945)

К середине июля нас привезли в Ивановскую область, где разместили в избах покинутого колхоза. Снабжения здесь не было никакого, только 400 г хлеба в день на человека иногда привозили, да сами что умели найти в поле. Собирали щавель и варили его, удивляя жителей ближних колхозов (они считали, что «траву ест только скотина»). Мы поняли, что кроме голода нас здесь ничто не ожидает и вспомнили адрес в Горьком, который назвала наша бывшая квартирантка. В Горький можно было попасть только по вызову, и она нам его прислала. Папа и мама написали письмо в Москву о не полученной в Рижском ПрибоВСУ зарплате, и им прислали некоторую сумму. К концу августа удалось поселиться в деревне Новинки в 3х км от Горького. Там как-то маме удалось встретиться с тётёй Люсей, (Эльгой), которая воспользовалась предложением начальника из ПрибоВСУ. Несколько дней жили в одной избе в деревне Новинки вместе с ней и семьёй, с которой мы вместе жили в Ивановской области.

В начале сентября у меня заболело горло и поднялась температура. Мы решили, что это обычная ангина и врача вызывать не стоит, но когда также заболел соседский мальчик, его родители вызвали врача, который признал, что у меня дифтерит и направил в инфекционную больницу. Меня на телеге отвезли в больницу, там признали дифтерит в тяжелой форме и стали лечить большими дозами противодифтеритной сыворотки. Через неделю или больше температура понизилась, а затем снова повысилась от сывороточной болезни. Наконец, после двухмесячного лечения меня выпустили из больницы. К тому времени папе удалось получить работу на Горьковском автозаводе (завод номер 466, но папа в связи с болезнью сердца перешел на более легкую работу, в конторе), а мама встретила в Горьком с дальней родственницей Рахилью Эльцфон, у которой они с Сашенькой некоторое время жили, а потом мы получили однокомнатную избушку на другом берегу реки Оки в городе Бор. Мы с мамой и Сашей сразу поехали в Бор. В квартиру уже были привезены дрова, а так как в октябре было уже довольно холодно, мы

долго топили печку мокрыми дровами, сразу закрыли дымоход и легли спать. Среди ночи нас разбудил пронзительный крик Саши. Мама встала, почувствовала сильное головокружение и поняла, что угорела. Она выгнала меня с Сашей на улицу и стала проветривать квартиру. Утром у нас с мамой сильно болела голова, но мы остались живы, и мама стала называть Сашу нашим спасителем.

Через 10 дней я снова заболел, опять горло, но - скарлатина. Когда меня увидела в инфекционной больнице тот врач, которая лечила меня от дифтерита, она удивлённо и с испугом вскрикнула. Видимо сомневалась, что я снова выберусь. Но через полтора месяца, после воспаления почек, я снова пришел в норму. На этот раз мама с Сашей уже жили в центре Горького, у родственницы Рахили Эльцфон. С ними я прожил две недели и снова заболел, на этот раз — воспалением легких. Тут меня спасла мама, которая выпросила у председателя горисполкома сульфидин, который невозможно было иначе достать. Когда я поправился, удалось поселиться в полуподвальной комнате, с придиричивой хозяйкой, но в жилом помещении в районе Горького Кунавино. Там я в основном был Сашиной няней, пока папа был на работе, а мама бегала, обеспечивая нас питанием и прочим, необходимым для существования. Я тогда заметил Сашин «музыкальный плач»: Ля — а-а, Ля-а -а, Ля — а -а.

Колхоз (1942)

С начала 1942го года я начал учиться в 9ом классе средней школы и к весне закончил 9й, а затем половину 10го класса. Лето 1942 года я с одноклассниками провел на сельских работах в колхозе Арзамасского района южнее Горького. Там я почти научился косить траву (после нескольких попыток кончик косы попал мне в ногу и после перевязки меня перевели на другую работу — полоть посевы пшени и подобное). Полезно было в конце то, что в перерывах удалось от комбайнов понемногу набрать мешок пшеницы (ок. 30кг), которой мама дома хорошо нас подкормила зимой. К этому времени мы получили в том же Кунавинском районе Горького комнату побольше на 2м этаже у хозяина, который за стеной громко ругался многоэтажным матом, от него не отставали жена и дочь. Позднее дворовые ребята научили этому Сашеньку. Наши знакомые этим восхищались и отучить его от этого после возвращения в Ригу было трудно. Но он проявил также другие, музыкальные способности: когда я на скрипке учил каденцию концерта Мендельсона, Саша абсолютно чисто повторял последние две ноты, чем я восхищался.

Гороховецкие лагеря (1943-1944)

В феврале 1943го года меня призвали в Красную Армию и направили в Первый Отдельный Латвийский Запасной Стрелковый Полк, расположенный в Гороховецких Лагερях, приблизительно в 40км западнее г.Горького. Как призывника с незаконченным средним образованием меня распределили в учебный батальон (Учбат), где готовили младший комсостав - ефрейторов, сержантов, младших и старших сержантов и старшин для фронтовых войсковых частей.

Территория Учбата была отделена от расположения штаба полка и 1го батальона забором и дорогой, по которой на расстоянии 8км западнее располагался 2й батальон полка. Несмотря на большие потери в боях под Москвой и при эвакуации из Латвии, в комсоставе полка в то время преобладали жители Латвии и латыши из других республик СССР. Командиром полка был полковник Шпонберг, политотделом полка руководил Маврик Вульфсон, который после войны работал в Латвийском Госуниверситете и активно участвовал в работе Латвийского Общества еврейской Культуры (ЛОЕК). В

учбате моей ротой командовал лейтенант Страздиньш, а моим взводом - лейтенант Лустиньш. Позднее я оказался во 2м батальоне, которым командовал Капитан Янулевич.

В то время курсанты учбата размещались в землянках и, кроме военной подготовки, участвовали в строительстве новых землянок. Для этого перед общим подъемом нас поднимали в 3 часа ночи, и мы шли к болоту 8км, где вытаскивали из воды брёвна и несли каждое бревно втроем в лагерь. А в 7 часов утра была команда «Подъем!». После неё за 5 минут надо было встать в строй одетым по форме. Кто не успевал, получал «наряд вне очереди» - ночное дежурство или неприятное задание. Ясно, что при этом для сна у курсантов времени было мало, и мы постоянно страдали от этого. Хорошо, что во время занятий по строевой и огневой подготовке командиры делали 5-10ти минутные перекур, и мы в это время заваливались спать, но этого всегда было мало. Иногда засыпали во время политической подготовки, но если это замечал командир, раздавалась команда «Встать! Смирно!». Все были недовольны.

Некоторые курсанты умудрялись выспаться во время дежурства по батальону, но я на такой попытке погорел.

Через несколько недель после моего прибытия, меня вызвали на выход к воротам, и там я увидел знакомую фигуру — это была мама! Я пораился тому, что она меня нашла, но она ответила: «для любящей матери нет ничего невозможного». Она проделала от ж/д станции пешком путь не менее 15км, чтобы увидеть и накормить меня. Обратный путь она решила сократить, пошла прямо на ближайшую станцию через лес и заблудилась. К счастью, когда она стала звать «помогите», появилась женщина и спасла её от ночёвки в лесу.

В другой раз она привезла мне скрипку, которая в дальнейшем мне помогла заинтересовать дочь заместителя комбата моей игрой. Когда я во время дежурства по Учбату решил выспаться, я спрятался в кустах и заснул. Тут меня нашел солдат из соседней части, отнял винтовку и сдал заместителю комбата. Тот наложил на меня взыскание — 3 суток ареста на гауптвахте. Однако в тот день на гауптвахте мест не было, и меня привели обратно в расположение Учбата, где по просьбе дочери, узнавшей, что я играю на скрипке, заместитель комбата снял с меня взыскание и попросил что-нибудь сыграть. Эпизод завершился к общему удовольствию.

В Августе 1943 года в Учбате проводились зачеты по строевой и политической подготовке и экзамены для присвоения курсантам звания младшего командира. Перед этим состоялась проверка медицинской комиссией здоровья курсантов. Комиссия признала моё здоровье не соответствующим требованиям и не допустила к присвоению командирского звания. Поэтому меня направили рядовым в линейную роту, входящую в состав 2го батальона. Видимо на моем здоровье отразилась полугодовая болезнь осенью 1941 года. В линейной роте шла уже подготовка не командиров, а рядовых солдат для фронтовых частей, и поэтому была попроще: строевая, огневая, а также физическая — многокилометровые походы, после которых я доползал до лагеря весь измотанный.

Личный состав батальона был тоже проще, рядовые уже из разных восточных республик СССР, частично ряды заполнялись бывшими заключёнными, соседством не всегда приятным. (иногда присваали вещи соседей) Ротные и батальонный командиры были еще латышского или латгальского происхождения, среди рядовых таких по мере отправления маршевых рот на фронт становилось всё меньше.

Физическая нагрузка была большая и небольшое облегчение мне дала скрипка. Организовался ансамбль : 2 скрипки, 2 домры, труба и малый барабан, который по субботам играл танцевальную музыку для офицеров до 24 часов. За это музыкантам

разрешалось следующим утром не ходить на зарядку и поспать. Командир нашего батальона придумал также другое «рациональное» применение нашего ансамбля: На праздничном параде батальона в поле наш ансамбль играл марши. Со стороны это было, наверно, смешно, но комбат был доволен.

Всё же мое состояние здоровья временами давало сбои, и медицинская комиссия направляла меня несколько раз для прохождения службы во «взвод выздоравливающих». Здесь мы были освобождены от занятий по военной подготовке, но выполняли разные хозяйственные обязанности на кухне или в других местах. Например, иногда мы ходили в лес для сбора зелёных еловых веток, чтобы из них варить витаминный напиток. По приказу председателя верховного совета ЛССР профессора Кирхенштейна в каждой землянке, где размещался личный состав Латышского Запасного Полка, должна была стоять бочка с витаминным соком, и он это строго проверял при каждом посещении.

В дальнейшем временами меня переводили из взвода выздоравливающих в роту, но потом после проверки комиссия снова возвращала .во взвод выздоравливающих.

В июне 1944 года началась интенсивная подготовка к отправлению всего запасного полка на фронт, и в один день после возвращения с занятий у меня состояние резко ухудшилось, началась сильная лихорадка и высокая температура. Решили, что у меня малярия, при дальнейшем исследовании установили воспаление легких, которое перешло в плеврит. Тогда меня отправили в госпиталь для серьезного лечения. Из тяжелого состояния меня вывели, но плеврит перешел в туберкулёзный процесс и к середине августа меня поставили на комиссию, которая решила, что я должен быть демобилизован по болезни, приобретенной на военной службе с присвоением звания «Инвалида Отечественной Войны 3й степени».

Институт (1944-1945)

Зная, что с осени я буду свободным человеком, я попросил маму подать мои документы в любой ВУЗ, где изучают математику. Она подала их в Горьковский Инженерно-Строительный Институт на Факультет Промышленно- гражданского Строительства, и я стал готовиться к экзаменам по основным предметам — математике, физике и химии, еще находясь в госпитале. По русскому языку и литературе я не стал готовиться, так как школьный курс по этим предметам я изучал только в 8-ом классе в Латвии и во второй половине 9-го и первой половине 10-го классах в России, в которых общий объем материала не сравним с изучаемым в последних 3-х классах русской средней школы. Поэтому и вступительные экзамены в институт я сдал хорошо, за исключением письменного и устного по-русскому языку. В сочинении я допустил 33 ошибки, а на устном мне попался вопрос о Пушкине, из стихов которого я знал почти только «родила царица в ночь...».

Зато на экзамене по немецкому языку мои знания привели в восторг экзаменатора, что позднее мне помогло... Через пару дней меня пригласили на комиссию руководства института, чтобы решить мою судьбу. Там я объяснил, что не имел возможности изучить русский язык и литературу в нужном объеме в Латвии и за краткий отрезок времени после демобилизации. Комиссия посоветовалась и решила «учитывая обстоятельства и то, что я инвалид Отечественной Войны, разрешить мне пересдать письменный и устный экзамен на следующий день !??». Я очень удивился такому решению после моих объяснений , но на следующий день явился на экзамен с прежними знаниями.

В сочинении я снова допустил 33 ошибки, некоторые повторил, но в устном экзамене мне попался вопрос о Горьком, что я учил в 9-ом классе, поэтому экзаменатор решила, поставив 2 за письменный (сочинение — документ для архива), а за устный экзамен - 3, выставить среднюю оценку 3. Потом я понял, о чем шептались экзаменатор и пришедшая пока я писал сочинение экзаменатор по немецкому...

Так я стал студентом ГИСИ им. Чкалова факультета ПГС.(Промышленно-Гражданского Строительства). Лекции, которые я начал слушать читались в основном интересно, но особенно мне нравились лекции по химии, которые содержали много красочных примеров и анекдотов. Правда, в записях потом трудно было найти материал для заучивания, но перед экзаменом я узнал, что профессор основной упор делает на знание формул цемента и бетонов. Тогда я их зазубрил.

Из лекций по химии навсегда запомнилось, что окись серы является сильным антисептиком, так как после уничтожения женихов Пенелопы Одиссей жег серу, чтобы от них и духа не осталось. Также запомнилось, что диффузия твёрдых тел происходит при трении, а значит, когда гладишь свою милую, то хочешь, чтобы твои молекулы переходили к ней и её молекулы к тебе. Но больше всего меня увлекали лекции по математическому анализу доцента Гельфера, который читал свои лекции, по общему признанию студентов, как артист. Правда, зато на экзаменах он «резал студентов без ножа».

Возвращение в Ригу (1945)

13-го октября 1944-го года от немецких войск была освобождена Рига, и мы начали готовиться к возвращению домой. Первым в Ригу поехал папа, чтобы подготовить жилье. Никаких родственников в Риге не было — все, кто тут оставался во время войны, были давно убиты осенью 1941 года.

Мне надо было закончить первый курс в институте, и я начал готовиться к экзаменам весенней сессии, которые хотел сдать досрочно. К весне папе удалось через суд получить почти всю квартиру, в которой мы жили до войны. Одна комната (большая с окном во двор) осталась за старушкой, жившей там во время войны. Папа также устроился работать в президиуме коллегии адвокатов Латвии бухгалтером-ревизором и договорился о возможности приема в адвокатуру мамы, когда мы приедем.

В мае я начал сдавать экзамены и в июне успешно завершил весеннюю сессию. Сашеньку мы начали отучать от русской брани, правда, не без угроз, что не возьмем его в Ригу. Пришлось это продолжать еще в Риге, откуда ему возвращаться в Горький не хотелось. Я, по приезде в Ригу, встал на учет в туберкулёзный диспансер и был направлен в санаторий «Тервете», находящийся в центральной, богатой зеленью, области Латвии, где я мог отдохнуть до начала занятий в университете.

Сравнительно небольшая часть Риги была разрушена — собор Петра, Ратуша и дом Черногловых. Гостиница Belevue на углу ул. Марияс и бульвара. Райня была немного повреждена бомбой. Студентов посылали разбирать развалины на бывшей ратушной площади. Был лишь временный железнодорожный мост и временный мост для машин в районе теперешнего вантового моста.

Когда мы приехали в июне 1945 (после сдачи весенних экзаменов), полученные комнаты нашей бывшей квартиры оказались пустыми. Кто забрал всю мебель, выяснить не удалось, но постепенно мы приобретали дешево мебель по ордерам, которые я получал как инвалид Отечественной войны. Один из таких объектов, ценный книжный шкаф,

служил нам буфетом, платяным, книжным шкафом и сейчас стоит в квартире в разобранном виде,. дожидаясь ремонта.

С 1945 года быстро стала восстанавливаться промышленность Латвии (в том числе и заводы, которые были здесь до первой мировой войны, например, «Проводник»), и из России приехало много строителей и других специалистов. Появились и расширились новые отрасли промышленности, например, электронная, полупроводниковая и другие. Городское население Латвии получило работу и стало быстро расти, особенно русское. Сельское население, в основном латышское, продолжало заниматься сельским хозяйством и от нового прихода советской власти ничего хорошего не ожидало, наоборот, образованию колхозов оно сопротивлялось.

*Саша, Фира и Яша в парке осенью 1945 года.
Одежды никакой не было, приходилось
использовать старую военную одежду без
знаков отличия.*

Моя мама получила работу адвоката, работала в Риге, в здании верховного суда на углу улиц Ленина и Стучки (ныне Бривибас и Тербатас) и в 1960-х годах в Майори, где она была главным адвокатом, и занималась в основном гражданскими судебными делами. Она была "цыганской королевой" - помогая цыганам, и спасая многих от несправедливых преследований. Много цыган тогда жило в Слоке (части Юрмалы).

Мой отец, Лёва, работал до пенсии ревизором и бухгалтером в юридической консультации, подсчитывая расходы и доходы юристов. Дома лежали несколько больших деревянных счёт - основных инструментов в его работе.

Учёба в Латвийском Университете(1945)

Хотя я привёз свою скрипку, прошедшую со мной всю войну, продолжать музыкальную карьеру серьёзно мне не пришлось хотя бы уже потому, что мой довоенный педагог Зальман Талан погиб, несмотря на попытки его жены (русской) спасти его. Большой перерыв в музыкальном образовании тоже сыграл свою отрицательную роль. Некоторое время я занимался с бывшим учеником Талана Абрамом Гуткиным, но для серьёзного музыкального образования было уже поздно. Я решил поступить в Латвийский Государственный университет, и так как при подготовке к экзаменам в горьковском институте мне во всех предметах нравилась их математическая сторона, я поступил на отделение математики физико-математического факультета, где осенью 1945 года меня приняли на 2-й курс с условием за учебный 1945/46 год сдать недостающие разделы программы. Меня принял декан физ.-мат. факультета доцент Николай Бразма, который разработал со мной план сдачи этих разделов. Физико-математический факультет ЛГУ тогда перемещался с места на место. В тот момент он был на ул. Базницас, дом №5. Аудитории и группы были совсем маленькие — математиков было всего трое. На всем физмате было около 20ти студентов. А некоторые лекции Эйжен Генрихович Ариныш читал мне одному.

Эйжен Ариныш

Главные предметы, которые я начал слушать на 2ом курсе были: математический анализ (лекции профессора Арвида Лусиса) и общая физика (лекции доцента Л.Янсонса). Оба лектора заведовали соответствующими кафедрами. Долгое время было трудно слушать и записывать лекции профессора Лусиса, так как он говорил обрывисто и скороговоркой. Тогда я перестал конспектировать его лекции, из-за чего имел затруднения при

подготовке и сдаче экзамена за первый семестр. Лишь потом я выяснил, что его записи на доске были очень хорошо разработаны и, если внимательно следить за их порядком, то всю лекцию можно было списать с доски, надо было только уловить момент, когда он что-то записал в пустое место на доске. В дальнейшем я слушал его лекции по теории функций комплексного переменного и по теории интегральных уравнений.

С особым удовольствием я слушал лекции по теории функций действительного переменного доцента Эйжена Ариньша, который напоминал мне доцента Гельфера из ГИСИ. Группа слушателей была очень малочисленной: на 2м курсе всего было около 20 студентов — математиков, физиков, геофизиков и астрономов. На 3м курсе доцент Ариньш читал лекции по ТФДП (теории функций действительного переменного) 3-м математикам, а первые 3 лекции даже мне одному, т.к. я начал слушать позже.

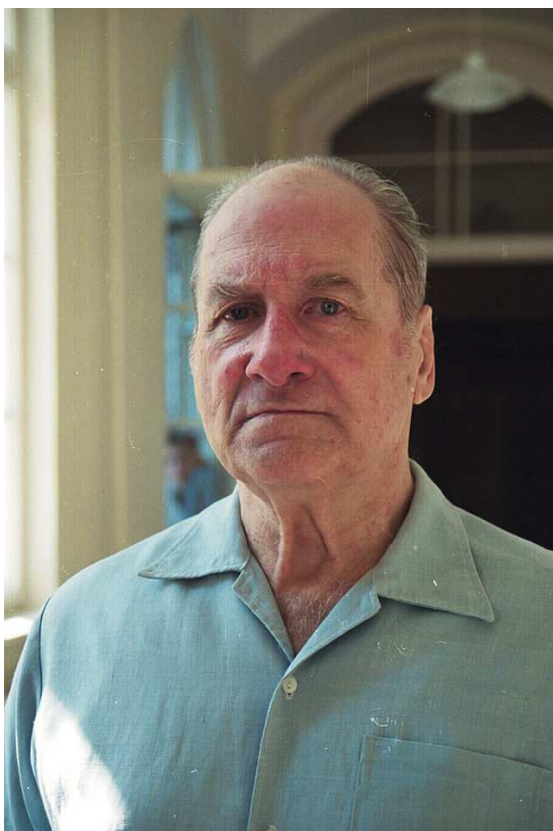
Лекции по астрономии нам читал профессор Блумбах с длинной и широкой бородой, бывший сотрудник известного русского химика Д. Менделеева (ассистентом Блумбаха был К.Штейн). Правда, в основном он рассказывал анекдоты об астрономах и их женах (Тихо Браге поместил богатую жену в психиатрическую больницу, а за её деньги создавал аппаратуру и проводил наблюдения). Профессора Лусис и Блумбах, видимо, преподавали уже во время немецкой оккупации.

Вводные лекции Штейна по теоретической механике были очень сложными, содержали много неизвестного студентам материала (например, элементы теории тензоров) и излагались очень сжато: за месяц - материал целого семестра. Когда его предложили для зачета, даже самый умный из нас студент Рейзиньш не смог его сразу сдать. Лекции преподавателя. Апиниса были очень непонятными и путанными, уловить их смысл было очень трудно.

На 3-м курсе два сильных студента-математика Вилнис Детловс и Линардс Рейзиньш предложили мне одновременно с ними сдать досрочно спецкурсы и закончить университет на год раньше плана. Эта идея нашла поддержку декана факультета, которым в то время был Е. Кронбергс., так как с увеличением числа студентов на младших курсах на факультете нужны были преподаватели.

Аспирантура (1948)

И вот, мы закончили полный курс университета весной 1948-го года. При распределении комиссия направила Л. Рейзиньша в аспирантуру, а меня и В. Детловса - на преподавательскую работу.

Вилнис Детловс

Я стал ассистентом кафедры теоретической физики, которой стал руководить Пётр Ефимович Кунин из Москвы. В это время на нашем факультете (и вообще в латвийских вузах) в связи с ростом русского населения латвийских городов были созданы русские студенческие потоки. (До этого в нашем университете был только латышский поток, ведь преподаватели были практически только латышцы, которые учились по-немецки до отъезда балтийских немцев в 1939 г. Книги в библиотеке были в основном немецкие и найти их было трудно, так как их было мало.)

Я, согласно профилю кафедры, вёл практические занятия по теоретической механике для студентов-математиков русского потока 3-го курса. Одновременно я вел практику по математическому анализу для студентов - математиков русского потока 1-го курса на кафедре математического анализа. (зав. кафедрой проф. А.Лусис). Затем я работал на кафедре математического анализа, продолжая некоторое время вести занятия по теоретической механике.

К тому времени на факультете стали работать преподаватели из в основном русского института ГВФ (Гражданского воздушного флота) доценты Анатолий Дмитриевич Мышкис, Михаил Абрамович Гольдман и Сергей Николаевич Крачковский. Третий из них читал спецкурс по функциональному анализу, а затем руководил моей дипломной работой.

Несколько позже на факультете стал работать профессор Борис Исакович Плоткин из Свердловска. Его назначили временным заведующим кафедры алгебры.

К сожалению, наиболее выдающихся из упомянутых профессоров и учёных руководство нашего факультета и университета не сохранило, а постаралось уволить по причинам не связанным с качеством их научной и педагогической работы. Так известный математик профессор А.Д. Мышкис, считавший главной для преподавателя его научную работу, был уволен, т. к. не соглашался с деканом факультета доцентом Папедис, считавшим главной его общественную работу, а крупный учёный - алгебраист Б.И. Плоткин был уволен, когда его студент Илья Рипс, исключительно способный математик, в 1968 году, после сдачи госэкзамена по научному коммунизму вышел на Площадь Свободы Риги и, облив себя бензином, поджог, протестуя против оккупации Чехословакии Советской Армией. Б.И. Плоткина как негодного воспитателя уволил Ректор ЛГУ, В. Штейнберг, испугавшись санкций вышестоящих органов. из-за громкого скандала, который вызвал этот случай. И. Рипс, после того, как был исключён из ЛГУ, закончил университет в Израиле и очень скоро проявил себя как очень крупный учёный в области математики, а также в науке о Торе.

Б.И. Плоткин затем работал в ГВФ:е (Институте инженеров Гражданской авиации)

1950

Анатолий Дмитриевич Мышкис

В 1950 году А. Д. Мышкис составил для меня программу экзамена по теории устойчивости и предложил её для кандидатского минимума. Кафедра матанализа составила комиссию, и я сдал экзамен, не оформив это приказом ректора, из-за чего дело застряло надолго. Когда я с этим вопросом обращался к проректору по науке профессору Стальгевичу, он ссылался на ректора университета профессора Юргенса, а когда я

обращался к ректору, тот говорил, что это дело проректора. Из этого заколдованного круга мне помог выбраться бывший парторг факультета доцент Икауниекс, посоветовав при посещении ректора с письменным заявлением попросить ректора написать на заявлении - «Сталгевичу. Решить!». Тогда выяснилось, что в отделе кадров был документ, в котором утверждалось, что мой отец имел в 1938м году зуботехническую лабораторию с большим оборотом. Когда отец объяснил, что это был не фактический оборот, а только разрешение на такой оборот, мне приказом ректора разрешили сдавать экзамен, но до того меня чуть не уволили из университета. Тогда, в 1952-м году, проректор университета учёбе К. Пуго (тот самый, который позднее был членом ГКЧП и застрелился) дал указание моему заведующему кафедрой проф. А. Лусису не планировать мне нагрузку, а на мой вопрос «почему?» ответил мне: «для вас у меня нагрузки нет!».

Компания друзей

Несмотря на высшее образование, моя мама как еврейка самостоятельной должности не получила и несколько лет до 1940 года работала без зарплаты в Судебной Палате кандидатом на судебную должность. Имея общие профессиональные интересы, она близко общалась с семьями известного слепого юриста профессора Макса Уриевича Шаца -Анина и экономиста Рафаила Абрамовича Дейча, откуда началась моя дружба с их детьми Рутой и Аги, наши совместные игры и отдых. летом в пансионе у воспитательницы Алисы и на пляже (имеются фотография — мы с Аги на песке). Эти дружеские связи продолжались в годы средней и высшей школы.

Рута Шац, 1953

В 1943 году в учебном батальоне меня приняли в ВЛКСМ, а в 1946м избрали в комсомольское бюро физ.-мат. факультета ответственным за политмассовую и культмассовую работу на физмате, а также заместителем секретаря. Среди самодеятельных коллективов факультета важную роль играл ансамбль народных танцев, в котором большим успехом пользовался отличный танцор Волдемарс Фрицбергс, очень

способный студент-физик, на год моложе меня. С ним у нас возникла тесная дружба на всю жизнь. Особенно нас сблизило то, что он и его семья происходили из города Цесиса, с которым было связано мое лечение в туберкулёзном санатории. Он достиг больших успехов в научной и общественной работе, был секретарем комсомольского комитета университета и деканом физмат факультета. В наши молодые годы он был яркой личностью в нашей еврейской компании, хотя был латышом.

По инициативе Фрицберга и партийной организации факультета я подал заявление о приеме в Коммунистическую партию, но так как я при рассмотрении моего вопроса на заседании партбюро не знал тогда, куда делся мой дядя Макс, с которым я тогда потерял связь, вопрос о приеме был отложен.

С папой Лёвой в президиуме коллегии адвокатов работала окончившая Институт Красной профессуры малограмотная женщина М. Балтайс, об интеллекте которой говорит её фраза «эти сволочи империалисты», которую она, несмотря на возражения научного руководителя, профессора Стальгевича, пыталась включить в свою диссертацию. Она моего отца возненавидела и пыталась его оклеветать, чтобы его выгнали с работы бухгалтера в Президиуме Коллегии Адвокатов Латвии. Это ей не удалось, но когда она перешла в Университет в аспирантуру, она направила свою ненависть на меня и вызвала вышеизложенные неприятности в университете в 1952 году.

Волдемарс Фрицбергс (1926-1982)

К сожалению, потом В. Фрицберг стал жертвой тяжелой болезни сердца и умер в расцвете творческих сил.

Фрицбергу я обязан знакомством и близкой дружбой с филологом Еленой Копуль (Шапиро) и микробиологом Ириной Ярхо.

К этому обществу присоединялись новые друзья разных специальностей и национальностей. Больше всего это евреи, кроме упомянутых нас троих, это юристы Лёва

Рейзин с женой Региной, Саша Бергман с женой Зузи, Урий Шенкман, муж Аги, медики Элла Шреберк с мужем- инженером Рувимом, филолог Иза Копотева, инженер Борис Шапиро. К ним примкнули медик Тэза (Гортензия) Мергина и химик Таня Власенко.

Лёня, Елена Шапиро, Яша, Борис Шапиро, примерно 1967 год.

Вечеринки и застолья мы устраивали на разных квартирах для частей нашей компании: у родителей Лены Копуль на Театральной улице, у Энгельсонов на ул. Кр. Барона, у Рейзиных на ул. Валдемара у Копотевых и у родителей Ирины Ярхо на ул.Кирова. О развлекательной программе домашних вечеров чаще всего заботились Лена Копуль и Регина Рейзина, Когда вечера устраивали родители Ирины Арон Абрамович и Анна Львовна, иногда приглашались их коллеги — врачи, которые умели нас развлечь своими остроумными выдумками и рассказами. В более узком кругу мы с Ириной общались с Володией Фрицбергом и с её подругами: Тезой Мергиной, Еленой Копуль и Татьяной Власенко. Постепенно более тесные контакты у меня установились с Ириной Ярхо и её родителями, и мы решили с Ириной пожениться.

Ирина и сын Леонид (1954)

*Ирина Ярхо, примерно
1952 год*

В один прекрасный майский день 26-го Мая 1954 года мы с Ириной и моей мамой Фирой (свидетелем) собрались в перерыве трудового дня в ЗАГС-е и зарегистрировали наш брак с Ириной, а затем разошлись по рабочим местам. Отпраздновали мы это событие в квартире родителей Ирины на улице Кирова 31-а.

*Анна Львовна Ярхо в форме
подполковника медицинской
службы, примерно 1947 год.*

Ирина Ароновна Ярхо родилась в 1928м году в Витебске. Её отец Арон Абрамович был известным в Риге детским врачом, а мать Анна Львовна — подполковником медицинской службы работала врачом-лаборантом в рижской спецбольнице. Ирина окончила в 1950м году биологический факультет Латвийского Госуниверситета и работала сначала

лаборантом станции переливания крови, а затем старшим лаборантом в клинической лаборатории рижской больницы.

Сначала мы жили вместе с отчимом Арона Абрамовича в двухкомнатной квартире родителей Ирины на улице Кирова 31а, причем я сохранял за собой жилье в квартире моих родителей на улице Кришьяна Барона 8, где посторонним человеком была еще занята комната, которую в 1945м году не получил мой отец. 13го апреля 1955го года у нас родился сын Леонид. Я в это время готовился к сдаче кандидатского минимума и приступил к работе над кандидатской диссертацией под руководством московского профессора М.М. Вайнберга. Поэтому я продолжал частично жить и работать в квартире на ул. Кр. Барона № 8, а у Ирины я был «приходящим мужем». Леонид жил у её родителей.

Мне не без труда удалось получить для Лёни место в детском саду, но он активно сопротивлялся посещению детского сада, и бабушке Анне Львовне пришлось уступить ему, оставить работу, и смириться с домашним воспитанием Лёни домработницами.. Летом мы с семьей жили сначала на дачах в Межапарке или Юрмале, которые снимали родители Ирины, а потом мы с Ириной сами снимали дачу в Рижской Юрмале, иногда вместе с семьей Шапиро, С этого началась и крепла дружба Лёни с их дочкой Иланой.

Лёня на кухне, около 1967 года. Слева видна дровяная плита, которая позже была разобрана.

В 1965 году мы с Ириной с нетерпением ждали дочку, а Лёня - сестричку, даже имя — Машенька — уже придумали. А когда из больницы сообщили, что родился мальчик, Лёня с восторгом закричал: «вместо Машеньки родился Мишенька». Но потом решили назвать сына Вадим, и Лёня стал его самой надёжной няней, любил и воспитывал его, и Вадим в свою очередь любил Лёню и считал его в семье самым умным. Эта прекрасная дружба длилась до самой женитьбы Лёни в 1979 году.

Лёня и Вадя, около 1967 года

Музыка, 1946

Весной 1946-го года в Риге был создан симфонический оркестр при латвийской Филармонии под руководством Арвида Янсонса и Абрама Гуткина, у которого я немного занимался на скрипке. Гуткин предложил мне с разрешения А. Янсонса играть бесплатно на последнем пульте вторых скрипок. Мы репетировали 1-ю симфонию Калинникова, а затем под руководством Эдгара Тонса 4-ю симфонию Бетховена.

Однако через месяц появилась возможность заработать немного денег, которые были очень нужны. Мы договорились с руководством ресторана «Калнс» в Меллужи играть ансамблем, состоящим из студента-пианиста Валентина Николаева, трубача, ударника и меня, играть по вечерам с 19 до 23 часов с зарплатой 1050 рублей в месяц каждому. Правда, через месяц мы остались вдвоем с Николаевым, так как доход ресторана был недостаточным для оплаты 4-х музыкантов. Мы играли популярные русские и латышские песни и зарабатывали дополнительно, если слушатели заказывали свои любимые произведения. Это продолжалось до начала учебного года. Тогда мы начали создавать инструментальные ансамбли, которые выступали на факультетских и университетских вечерах..

Университетская газета «Падомью Студентс» за 11.12.1946 пишет: «На торжественном собрании ЛГУ, посвященном дню Сталинской Конституции, выступило трио ЛГУ в составе: Энгельсона, Рикардса и Тумшевица, а также хор под управлением Бобковица.

После этого моя музыкальная деятельность проходила в виде участия в программах вечеров самодеятельности факультета и университета, а также выступлениях в составе агитбригад в агитпунктах во время предвыборных кампаний и в подшефных колхозах. Я играл на скрипке, аккомпанировали сначала студентка Б. Грива, затем студентка И. Велмере, потом мы играли в составе трио или квартета с виолончелистами - студентами Берзиньшем или Пиешиньшем и с другими участниками.

Юлий Аншелевич

Кроме того я участвовал в работе оркестра Латвийского университета в качестве концертмейстера или заместителя концертмейстера вместе со студентом медицинского факультета Юлием Аншелевичем, очень способным скрипачом, а затем известным профессором - кардиологом, лечившим мою маму .в последние годы её жизни.

Дирижерами оркестра Латвийского университета были при мне последовательно К. Пукис. Р. Глазупс, Я. Хунхенс, и Виестурс Гайлис (около 1978-1982), Дзинтарс Йостс (около 1983) и Гунтис Клявиньш (около 1986 — 1997 годов). С 1982 года оркестр работал в камерном составе, там были только струнные инструменты.

Газета «Циня» критиковала в 1951 году Карлиса Пукиса за «безвкусицу при выборе репертуара для оркестра : произведения Оффенбаха, Томошека и других салонных вещей». В числе музыкантов там упоминаются Ю. Аншелевич, В. Сацениекс, Й. Чударс, Е. Энгельсонс, Дз. Аболиньш и Инта Медне. Эту статью перепечатала латышская эмигрантская газета «Лайкс» 22.12.1951 г.

А. Гуткин советовал пригласить М. Баша, но его не приняли, видимо, как еврея. Не все упомянутые дирижеры были равноценными по музыкальной культуре, умению работать с ансамблем и стилям. Я играл роль администратора оркестра и, насколько мог, пытался влиять на выбор дирижёра. В зависимости от качеств дирижёра и оркестра я приобретал музыкальный опыт и знакомился с произведениями. Больше всего мне дало участие в оркестре Латвийской филармонии под руководством А. Янсонса, а в университетском оркестре - когда им руководил Рихардс Глазупс. С Глазупсом мы играли 1 год, пока у профсоюза университета хватало средств на его оплату. В это время оркестр существенно вырос численно и качественно, в него приходили играть хорошие ученики- духовики из близлежащей школы имени Э. Дарзиня.

Мы приготовили танцы из балета Хачатуряна «Гаянэ», его же вальс из музыки к драме Лермонтова «Маскарад». Глазупс так работал над произведениями, что на концертах публика каждую вещь требовала повторить на бис.

Оркестр Латвийской Филармонии существовал только лет десять, и я имел возможность его слушать наряду с оркестром Радиокомитета, под руководством Леонида Вигнера, а затем оркестр Филармонии ликвидировали из-за отсутствия средств, и Янсонс уехал в Ленинград.

Музыка - 1960

Очень полезны в то время были концерты-лекции с великолепным лектором Лией Красинской, хорошими оркестрами и солистами. Эти лекции, игра в оркестрах и ансамблях очень расширили мой музыкальный кругозор, и это в свою очередь позволило мне привить Лёне любовь к классической музыке. Будучи еще 4х-5тилетним карапузом, он с восторгом кричал «победа» при звуках заключительной части увертюры «Эгмонт» Бетховена. Наш оркестр играл не только эту, но и другие увертюры Бетховена, его 5ю симфонию, симфонии Гайдна и Бриттена, фортепьянные и виолончельные концерты.. Лёня тоже захотел играть на рояле. Он три раза начинал учиться играть, больше года у него каждый раз не хватало терпения. Однако учительница научила его чисто петь и однажды, когда мы с ним возвращались с кавказских гор во время университетской зимней туриады, он целую ночь услаждал мой слух чисто исполненными оперными ариями..

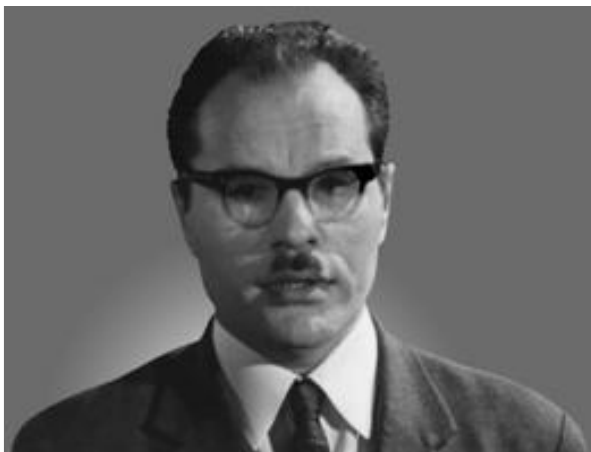
Чем питались студенты в 1940--1950 годах

Студентов университета кормили в одноэтажной столовой, построенной на возвышенной части Верманского парка, где мне приходилось чаще всего есть кислые щи (т.е. суп из квашенной капусты). Позже на ул. Кирова (ныне Элизабетес) была открыта частная столовая Нейланда, в которой я тоже кормился.

.

Но Настоящее пиршество ждало нас. когда мы (до 1940) ездили в Даугавпилс к Люсе и ее родителям, которые были знатоками еврейской кухни и кормили нас фаршированной куриной шейкой, «кугелом» и мацовыми клёцками (на пасху). Люся осталась у нас экспертом по еврейским блюдам и сладостям и еще в 1980-ые годы мы приходили к ней в гости на «тейглевх» и другие еврейские блюда.

Защита диссертации ,1959

*Профессор Мышкис, Анатолий Дмитриевич
(1920-2009)*

Когда вопрос с кандидатским экзаменом и с нагрузкой для меня уладился, профессор А.Д.. Мышкис познакомил меня с Московскими математиками профессорами Мордухаем Моисеевичем Вайнбергом, ставшим затем руководителем моей кандидатской диссертации, Дмитрием Абрамовичем Райковым и Георгием Евгеньевичем Шиловым, которые также помогли мне своими консультациями. Последний из них вместе доцентом Эйженом Ариньшем были моими официальными оппонентами на защите диссертации в 1959 году.. Работая на кафедре общей математики, которой заведовал доцент Э. Риекстиньш, я получил творческий отпуск для завершения кандидатской диссертации, во время которого я несколько месяцев жил в общежитии Московского Государственного Университета и в это время имел возможность консультироваться непосредственно у М. Вайнберга, Д. Райкова и профессора Тихомирова, а также прослушать курс лекций по теории оптимизации последнего. Кроме того я мог пользоваться научной библиотекой МГУ.

*Яков Энгельсон, около
1955 года*

После защиты диссертации мне было присвоено звание доцента, а затем я в 1964м году я был назначен заместителем декана по работе со студентами вечернего отделения физмата. С 1970 по 1971 год я был заведующим кафедрой общей математики, а с 1972 по 1976 год - кафедрой математического анализа. 27 Октября 1992 года совет Латвийского Университета по хабилитации и промоции присвоил мне научную степень доктора математики (Dr. math.) Латвии.

После защиты диссертации мне предложили участвовать в научной конференции по функциональному анализу в Новосибирске, где я познакомился с результатами работы многих выдающихся математиков и самим Новосибирском. После конференции я за собственный счет решил поехать в экскурсию на Телецкое озеро, красотами которого мои коллеги восхищались, называя его маленьким Байкалом. Экскурсия оказалась очень интересной. Сначала самолётом до Барнаула, затем на маленьком 8-местном самолётике до Горно - Алтайска, почти касаясь горных вершин, затем до небольшой горной посадочной поляны — аэродрома, откуда машина привезла нас на берег Телецкого озера.. Здесь мы пересели на небольшой катер, с которого мы могли любоваться скалистыми берегами озера. Были также небольшие вылазки на скалы. Все это требовало осторожности. Несколько позже нас, после посещения Байкала, Телецкое озеро посетил Лёня, но он, видимо, переоценил свои силы, устал от путешествия и упал с одной скалы, повредив себе нос, из-за чего пролежал в больнице Барнаула 2 недели.

Еще я участвовал в конференции, которая происходила на теплоходе во время путешествия по Волге, где я познакомился с известным математиком профессором Гиндикиным.

Волга 1964

Другое длительное путешествие мы совершили вместе с Ириной примерно в 1964-м году по Волге на теплоходе «Дм. Пожарский» по маршруту Москва — Астрахань — Москва, причем это путешествие привело к длительной дружбе с симпатичными людьми и возможности многих интересных путешествий.

Уже при посадке на теплоход в 4-х местную каюту мы встретились с супружеской парой из Львова - Елизаветой Анатольевной и Анатолием Ивановичем Иванцовыми, которые предложили нам ехать вместе. Мы согласились и не пожалели. Наше двухнедельное путешествие прошло очень приятно и интересно. Сначала мы по Москве-реке приплыли в Казанское водохранилище — большой водоем, посреди которого осталась одинокая не затопленная церковь. Далее мы посетили столицу немецкой автономной области — город Энгельс, города Саратов, (очень чистый и аккуратный городок), Самару (Куйбышев) и, наконец, увидели впечатляющий мемориал Сталинградской битвы, включая мельницу, за которую шли жестокие бои, и грандиозную скульптуру Матери-Родины.

Наконец мы прибыли в Астрахань, куда особенно стремилась Ирина, надеясь приобрести осетровую икру. Однако, её ждало разочарование, когда объявили, что икра не продается и её продажа законом запрещена. Но в каком-то тихом месте на берегу Волги к нам подошел южного типа мужчина и тихо произнёс слово «икра». Когда Ирина это услышала, она это от неожиданности громко повторила и этим мужчину так напугала, что он чуть не убежал. Но потом его успокоили, и он согласился через некоторое время в укромное место принести икру. Наша спутница Лиза Иванцова предупредила Ирину, сказав, как проверить, что в пакете не «кукла» и, наконец, Ирина стала обладать икрой. На этом, правда, волнение не кончилось, так как было жарко и икра могла испортиться, а поместить в судовом холодильнике не разрешали. Тогда решили держать пакет в мокрой тряпке и так удалось икру довести до Риги и с удовольствием съесть.

После этого Иванцовы пригласили меня и Лёню во Львов, и мы с Лёней участвовали в экскурсии в Западную Украину и, в частности, в подъеме на гору Гаверла. Правда, мне до вершины добраться не удалось, так как я после болезни был еще очень слаб.

Лечение 1965

В конце 1965 года, имея большую педагогическую нагрузку, я почувствовал себя очень плохо, и мама моей жены Ирины Анна Львовна после обнаружения у нашего сына Лёни положительной реакции Пирке (туберкулёзной интоксикации) заставила меня пройти серьезное обследование в спецбольнице, где она работала. Томограмма правого лёгкого показала существование каверны, после чего меня направили в туберкулёзную больницу.

Я этого так испугался, что сразу бросил курить, что я делал с 1944 года, не считаясь с окружающими (студентами и даже собственными детьми). Я также почувствовал отвращение к запаху накуренного помещения. Я стал активно лечиться, так как при развитии болезни мне угрожала бы операция — вырезать сегмент лёгкого, содержащего каверну. Моим лечащим врачом сначала была терапевт доктор Айзик, которая сама раньше болела и которой удалили одно лёгкое. Она старалась справиться с моей болезнью без крови — обойтись без операции. Пришлось мне глотать много таблеток ПАСК.

Через некоторое время у меня появилась другая врач — хирург доктор Окланская, которая считала, что у меня каверна закрывается очень медленно или вообще не закрывается и следует оперировать. Доктор Магалиф из другой рижской больницы считал, что оперировать еще преждевременно.

Чтобы принять правильное решение мы с мамой решили поехать в Ленинград для консультации к профессору Цигельнику, который считался одним из лучших специалистов-лёгочников в СССР. Осмотрев меня, он сказал, что с операцией торопиться не стоит. С этим согласился также главный врач рижской хирургической больницы.

Поэтому было решено, что я буду продолжать лечение в туберкулёзном санатории в городе Цесисе, пока картина прояснится.

Благоприятным оказалось и то, что рядом с этим санаторием находился Пионерский лагерь, и детский туберкулёзный санаторий, в который был направлен Лёня, у которого была туберкулёзная интоксикация. Находясь в Цесисе, мы могли там встречаться, и я мог его немного подкармливать. Одно лето Лёня был в лагере и два лета в санатории. Еще одну четверть учебного года 8 класса он был в санатории и опять в лагере после 9 класса как победитель математической олимпиады. После почти годового лечения мы вернулись в Ригу, и врачи признали, что состояние мое не требует оперативного вмешательства. Постепенно моя каверна заизвестковалась, и я обошелся без операции.

Конечно, моя болезнь и ошибка с выбором скрипичного педагога для Саши заставила сильно переживать маму и подкосила её силы. Она перестала работать, стала часто болеть. Не помогло лечение выдающегося кардиолога профессора Юлия Аншелевича, (с которым мы играли на первом пульте скрипок университетского оркестра). 30го января 1968 года она умерла.

Эсфирь и Леопольд в парке, 1960-е годы

Во время лечения в Цесисском санатории я также подружился с пациентом Эльмаром Рудзитом, очень способным художником, который без устали рисовал прекрасные акварели окружающих прекрасных пейзажей и дарил их или продавал дешево всем желающим работникам санатория. У меня также есть несколько его картин. К сожалению, он сам был очень больным человеком, которому не хватало частично желудка и лёгкого. Несмотря на это он был счастлив, что мог постоянно заниматься любимым делом - отображать красоту и любоваться ею. Эльмар заинтересовал рисованием и Вадика, который проходил к нему на кружок рисования в 1976-1977 годах в "дом пионеров".

Поступление Лёни в университет 1972

Когда Лёня закончил 1-ю Рижскую среднюю школу ему пришло в голову, что он может попытаться поступить не в Латвийский, а в Московский Университет, поэтому он отправился в Москву, решив воспользоваться тем, что вступительные экзамены в Москве начинались на месяц раньше, чем в Риге. Но своей маме в Ригу он не сообщил своего местонахождения в Москве в течение целой недели. Я в это время находился в ГДР с группой студентов-практикантов. Когда мама забеспокоилась, она связалась с Лидией Ивановной Головиной, с которой я познакомился несколько недель раньше в деканате нашего факультета, куда они с мужем — завкафедрой Алгебры МГУ Олегом Николаевичем пришли с просьбой поселить их на несколько дней в университетском общежитии ЛГУ. К сожалению, мне не удалось им помочь, так как было это поздно вечером и никого из сотрудников не было на месте, но я им предложил в крайнем случае пожить у нас, если не будет другого выхода. Они ушли, пообещав зайти. Хотя они не пришли, при встрече ними в Москве Олег Николаевич меня радостно приветствовал, и у нас с их семьей завязались очень хорошие отношения и дружба. После телефонного звонка Ирины Лидия Ивановна побежала в общежитие МГУ, нашла там Лёню, притащила его к себе домой и заставил позвонить Ирине, а затем начала его вместе со своей дочкой готовить к вступительным экзаменам на мехмат МГУ. Поступить на мехмат обоим не удалось, и Лёня, не сообщив ничего Ирине, отправился путешествовать по Золотому Кольцу России. Это выяснила Лидия Ивановна и заставила его по возвращении в Москву сразу отправиться в Ригу, где его встретила Ирина с документами и отвела в последний момент до окончания работы в приемную комиссию физмата ЛГУ. Лёня поступил на первый курс физмата ЛГУ.

Черное море - 1976

К тому времени у нас уже была построена дача в Саулкрасти и мы с Иванцовыми стали приезжать друг к другу в гости. По их приглашению мы с Ириной знакомимся с Львовом, где очень интересным оказалось старинное кладбище, и с Киевом, где мы посетили музей с «сушенными архиереями», как выразился мой коллега с нашей кафедры Ладыженский.

Особенно богато впечатлениями было наше путешествие с Ириной и Вадимом в 1976-м году, когда Иванцовы сняли для нас комнату в Одессе и мы ознакомились со всеми пляжами Одессы. Правда, они нам не очень понравились, так как были очень грязными, в воде плавало много мусора. Через несколько дней нам предложили один билет на большой теплоход до Батуми, но так как нас было трое, нам обещали разместить ребёнка на диванчике в Ириной каюте. Остался вопрос- что делать со мной? Отдельно ехать мне не хотелось. Тогда кассирша сказала «Ну, мужа мы как-нибудь разместим!», и мне нашли место в каюте для четверых. Так мы двинулись в сторону Грузии на огромном комфортабельном теплоходе «Шота Руставели», который совершал пробный рейс по Чёрному морю перед отправкой в плавание по разным странам. Питание было многообразное, каждое из нескольких блюд, обслуживали с большим старанием, а когда случайно облили Ире одежду, все обслуживающие бросились в панике её очищать. За первую ночь мы доплыли до Ялты, откуда днём нам устроили экскурсии по Крыму. Потом была остановка в Новороссийске. Следующую ночь мы плыли до Сочи, и в Адлере купили билеты на самолёт в Ригу.

Наконец, последнюю ночь плыли до Батуми, там купались и затем поездом поехали в Тбилиси. После прогулки по городу Тбилиси поднялись на фуникулёр в парк имени Сталина на горе, где еще остался постамент памятника Сталину. Там покатались и потолкались на детских машинах. Вадик уже устал и начал интересоваться, где будем ночевать, и, когда ему сказали «в парке на скамейке», он сказал: «лучше найти комнату в гостинице». Не зная, где её найти, мы начали спускаться на фуникулёр в город.

Напротив нас сидели два толстых грузина, которые начали заигрывать с Вадиком, который им, видимо, понравился. Они стали нас расспрашивать, а я вставлял в их разговор намёки, что нам негде ночевать. На это один из них ответил: «подумаешь, Склифасовский (знаменитый врач) им нужен для решения этой проблемы. Пятикомнатная квартира «Люкс» вам подойдет?» Я сказал, что нам достаточно одной комнатки, и он сказал: «держитесь за меня, никуда не уходите». Когда мы спустились, он вышел, подошел к стоящей машине, и договорившись с водителем, велел нам сесть в неё. Затем мы поехали в гостиницу «Сакартвелло» («Грузия»). Оставив нас в машине, он зашёл туда, а потом вернулся, и велел мне зайти и оформить прибытие в гостиницу. Я это сделал, и нам предоставили довольно просторную комнату с умывальником, но без туалета (он находился в коридоре). После этого толстый грузин — его звали Бидзина Шалвович велел нам устроиться и отдохнуть и через час быть готовыми к поездке на Тбилисское море. Гостиница была из больших, одну стенку лестничной клетки от первого до третьего этажа занимает цветная картина «Сталин приветствует утро родины».

Через час Шалвович прибыл, и мы поехали к Тбилисскому водохранилищу, где уже стоял вагончик, внутри которого был накрыт стол с всевозможными грузинскими блюдами и напитками. Нас приветствовали другие гости, и мы хорошо выпили и закусили. После этого мы были доставлены на машине в нашу гостиницу, где хорошо отдохнули. На следующее утро за нами приехал снова Шалвович, знакомил с окрестностями Тбилиси (развалины церкви в Джвари и монастырь Мцхета.) Мы также посетили знакомую Шалвовича в Тбилиси — Лию Бабунашвили.

Вечером мы поехали в Сухуми. Там в милиции работал родственник Шалвовича, который устроил нас переночевать в домике на турбазе. Вадик отправился тем временем котлетой в столовой (он не любил мясо, которое надо жевать) и пропустил экскурсию в подземный город. Поэтому мы с Ириной пошли на эту интересную экскурсию без него. Из Сухуми мы отправились самолетом в Ригу.

Походы по Латвии

Работая в университете на разных кафедрах, преподаватели ездили по Латвии, знакомясь с её природой и географией, сначала небольшими группами и в гости.

Недалеко от Риги на берегу реки Даугавы находился один из старейших населенных пунктов Латвии Икшкиле, в котором жил молодой преподаватель теоретической механики Эрнест (Маргерс) Кронбергс с женой Аней. Пока еще не было затоплено Кегумское водохранилище, вблизи был доступен один из высоких красивых водопадов Латвии на реке Перзе, развалины замка Кокнесе и «плачущий» утёс Стабурагс, с которого всё время течет вода. Остановившись на ночь у Кронбергов, мы с мамой и Сашей устраивали походы по этим местам.

Затем профсоюзная организация ЛГУ стала финансировать более длительные поездки преподавателей кафедры и студенческих групп — агитбригад, в которых принимали участие коллективы самодеятельности и лекторы по политическим темам. Для более

длительных путешествий факультетский профсоюз арендовал нам автомашину, на которой мы объездили юг Латгалии, центральную часть Латвии и Курляндию

В 1970-х годах стали доступны резиновые надувные лодки, и мы приобрели 2 или 3 лодки. Плавали мы всей семьёй по озеру Усмас в Вентспилсском районе и по Гае между Лигатне и Мурьяни. На озере Усмас мы провели несколько дней, там были вместе с семьёй Шапиро и, когда Борис Шапиро при посадке сел мимо лодки и оказался в воде, путешествующий с нами Дима придумал для этого происшествия слово «обдядиборился».

Туриады

В 1970-х годах туристский клуб и кафедра физкультуры ЛГУ организовывала многодневные зимние лыжные походы по Кавказу для студентов. Руководил туриадой завкафедрой физкультуры Натан Хайн, который неофициально помог включить нас с Лёней в туристскую группу. В двух таких туриадах участвовали мы с Лёней — в январе 1976 и 1977гг. Маршрут первой из них начинался в горах на Красной поляне, куда от аэропорта Адлер на берегу Черного моря надо было подняться на автобусе. После ночевки мы с рюкзаками и лыжами по команде начальника начали подъем по направлению Энгельмановой поляны. Хотя это требовало иногда существенных усилий, после каждого участка перед нами открывались такие горные панорамы, что трудности забывались и можно было только любоваться их красотой. Тут понятными стали слова из песни Высоцкого «Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал». В дороге нам помог естественный источник воды Боржом, вода которого казалась мне намного вкуснее, чем бутылочная.

Когда наступил вечер, мы с Лёней переночевали вместе с нашей туристской группой на конечном пункте дневного маршрута. а наутро с согласия и по совету руководителей мы решили отправиться в обратный путь, хотя остальная часть нашей группы двинулась дальше и выше. Мы хотели ознакомиться с черноморским побережьем, которого Лёня еще не видал, и использовать для этого оставшуюся неделю зимних каникул. Нам предстоял в основном спуск по довольно пологому пути и на лыжах это было не слишком опасно — надо было только до полной темноты добраться до достаточно низкого места. Мы оба были не очень умелые лыжники, поэтому хорошо использовать наклоны для большей скорости не удавалось и часто приходилось тормозить мануфактурой, т. е. , падая на штаны. Когда мы ,наконец, спустились с гор на ровную дорогу, была тёмная ночь, только мириады звёзд освещали нам путь. И тут Лёня запел и показал, чему его научила учительница фортепиано. До неё он не мог спеть чисто ни одной песни, а тут он улаждал меня и кавказскую ночь таким набором оперных арий и таким их исполнением, что я только диву давался. Эту озвученную картину я назвал «Ночь, звёзды, боржом и музыка».

Затем мы достигли лагеря на Красной Поляне и после ночёвки спустились к берегу, а после путешествия по набережной вернулись в Ригу.

В 1977 году к нам присоединились студенты-математики 4-го курса Юрий Брегман и Витя Курман. На этот раз мы поднимались в горы в районе города Боржоми. Поднявшись, мы вблизи Бакуриани попали в пургу, поэтому на гору Пирамида решили не восходить. Мы дошли до пещерного города Вардзия на границе Грузии и Турции. С Шалвовичем больше не встречались, только с его подругой Лией Бабунашвили. У него самого были какие-то неприятности.

Поездки за границу

Венгерский профессор Иштван Фенье (István Fenyő, 1917-1987) приезжал в Ригу из Ростoka в 1970 году читать по-немецки цикл лекций по функциональному анализу, а я эти лекции переводил для преподавателей — математиков и студентов старших курсов. Фенье написал много книг, в частности о применениях математики в химии и технологии. Питался он в Риге в студенческой столовой очень экономно, выбирая самые дешевые блюда и потратив за неделю всего выданные ему 8 рублей на пропитание. При этом на прощание он подарил Ирине букет цветов и рассказал, что в другой командировке, когда ему забыли выплатить командировочные, он вообще обошелся без командировочных. Это меня удивило, ибо был он не худощав, а довольно круглый. Другой раз, приехав к нам в гости после экскурсии на машине Бориса и Лены Шапиро в Сигулду и накормленный обедом в ресторане «Сэните», он с большим аппетитом съел у нас на даче приготовленный Ириной куриный бульон с мацовыми клёцками.

Примерно с 1967 года ЛГУ начал обмен студентами с университетами в Ростoke (ГДР) и Карловым университетом в Праге. Каждое лето два преподавателя-руководителя и 10 студентов из каждого университета приезжали на ознакомительно производственную практику на 2 недели. В реальности практика проходила за 1-2 дня, когда нашим студентам читались лекции по программированию, а остальное время занимала туристская поездка по стране.

В первой поездке руководителем группы студентов ЛГУ был Оярс Шмитс .

В 1972 г я был в Ростoke (ГДР) руководителем практики группы студентов-математиков ЛГУ познакомился с профессором. Герхардом Паздерски из Галле (Gerhard Pazderski, родился в Галле в 1928 и был профессором теоретической математики в Ростoke с 1969 до ухода на пенсию в 1996). Моим ассистентом была Дайна Тайминя. Кроме Ростoka и Варнемюнде (на берегу Балтийского моря) нас возили в Потсдам, где мы жили, Мейсен, Саксонскую Швейцарию и Дрезден. В Потсдаме мы знакомимся с королевским дворцом Сан-Суси (Sanssouci), который, несмотря на роскошь оставил запущенное впечатление, так как многие строения были покрыты черной пылью. В Мейсене огромное впечатление оставили изделия из мейсенского фарфора. Саксонская Шейцария поразила невиданными фантастическими изделиями, которые сотворила природа из камня - Bastei. Экспонаты богатейшей, недавно спасённой, коллекции Дрезденской Картинной Галереи были бы необозримыми, если бы нам не попался старый опытный гид, который выбрал 6 или 7 самых ценных картин, которые он детально описал, чтобы донести до нас всю глубину замысла и содержания, как, например, «Сикстинская Мадонна» Рафаеля, «Леда и Лебедь» и другие.

А в 1974 я побывал с группой студентов в Чехословакии. Руководителем чешской группы был Павел Гуралчик. Моим заместителем в этой поездке был Висвалдис Нейманис. Вместе с нашей группой студентов нам предстояла экскурсия на Высокие Татры, с восхождением на главную вершину — гору Рыси, и я сомневался, что смогу справиться с восхождением вместе с молодыми студентами, так как после моей болезни прошло лишь немного времени. Поэтому я отправился в поход часом раньше, чем руководимая мной группа. Кроме того, я старался следовать совету опытных путешественников — пить при восхождении поменьше воды. Но у меня всё-же оказалось недостаточно сил, чтобы удержать дистанцию и остальная часть группы меня до подножья горы перегнала. Также не удалось удержаться от питья — стало жарко и вода из источников такая холодная и вкусная, что удержаться было невозможно. Поэтому мне осталось ещё метров 200 до вершины, когда пришлось спускаться. Всё-же впечатление и

удовольствие от экскурсии было огромно. Мы потом повторили это, вместе с Ириной и Галей, когда Гуралчик пригласил нас всех.

В 1976 Иштван Фенье с женой Эржебет и 2 сыновьями гостили у нас, а 1978 мы с Ирой и Вадиком ездили в Венгрию к ним в гости, посетили Будапешт, Эстергом, Эгер и провели неделю на Балатоне в поселке Замарди.

В 1981 году мы были в ГДР по приглашению профессора Паздерски и посетили Берлин, Потсдам, Галле, Веймар, Эрфурт, Дрезден, Лейпциг, Гарц, Саксонскую Швейцарию.

В 1984 году руководителем чехословацкой группы был Ярослав Покорный (Jaroslav Rokopny, ныне профессор информатики Чешского Технического Университета в Праге). Ярослав хорошо играл на гитаре, исполнял со студентами чешские песни и песни группы Битлз, и помог Вадiku выбрать гитару в магазине музыкальных инструментов. В группе от ЛГУ тогда участвовала Светлана Павлова (Асмус), лучшая студентка студенческой группы математиков, которую я курировал с первого до последнего курса. Эта группа почти в полном составе приехала к нам на дачу в Саулкрасты праздновать окончание университета вместе с чешской группой практики. Вместе с нашей группой чешские студенты зажгли чешский костёр и провели веселый вечер. Через некоторое время Ярослав пригласил нашу семью в Прагу. Когда ехали в гости вместе с Ириной и Галиной к Ярославу Покорному мы ночевали в «Халупе» - его самодельном домике недалеко от города Брно с большой общей спальней. Недалеко оттуда мы посетили Музей костей и костел, украшенные очень искусными изделиями из человеческих костей (Костница) в Кутна Гора на месте кладбища погибших от чумы людей.

Внучка Ася

В 1979 году Лёня женился на Лене Миртовой, и через год родилась их дочка Ася. Мы все очень её полюбили. Лёня сразу начал её учить «плавать раньше чем ходить», и она уже научилась несколько минут лежать на воде, но затем приехал доктор Черковский из Мосвы для показательных занятий по плаванию, после которых Ася сильно заболела и потеряла первые навыки. Потом Ася поправилась и хорошо развивалась, а Лена успешно закончила университет.

Лёня и Ася, 1981 год

Защита Лёниной диссертации, 1981

Лёня с 1981-го года стал преподавателем математики для студентов факультета управления и экономической информатики ЛГУ. В это же время он под руководством доцента Евгения Фёдоровича Царькова работал над кандидатской диссертацией и завершил её. Защита Лёниной диссертации по неизвестным причинам долго задерживалась. Но этот вопрос удалось выяснить с помощью Лидии Ивановны Головиной, женой профессора Головина из Москвы, которая обратилась к известному математику профессору С. Г. Гиндикину, а когда тот у кого-то поинтересовался, дело сразу сдвинулось с мертвой точки, и Лёня вскоре защитился.

Музыка - 1973

Под влиянием Лёни Вадик тоже полюбил и музыку и математику. Слушая, как мы с Лёней вместе играем «Чакону» Томазо Витали, Вадик вдруг в 6-летнем возрасте воскликнул : «я тоже хочу играть на скрипке» . Несмотря на мои уговоры, что это трудно и придется много и скучно учиться, он говорил : «а я хочу!». Мы нашли учительницу, и он начал с ней заниматься. Но, как я и предполагал, скоро у него охота к упражнениям пропала, а так как была весна и бабушки Анна Львовна и Вера Львовна (мама и тётя моей жены Ирины) уже жили на даче в Юрмале, они начали жалеть Вадика и увозить от уроков на дачу. Тогда я сказал, что баловаться нечего , и прекратил уроки. На том и порешили.

Прошел год, и у Вадика случилась неприятность : на даче убежала собака Чика, которую Вадик любил. Вадик был очень расстроен, и мы с ним стали обсуждать, какие стоить

сделать выводы из создавшегося положения. Решили возвратиться к скрипке, но так как частные уроки не дисциплинируют, я решил пойти в музыкальное училище им. Язепа Мединя договориться о приёме Вадика в это училище. Там я встретил учительницу, Габриелу Парашу, которая знала Сашу. Она сказала, что Вадика в 7 лет принять в школу в первый класс по скрипке не могут. Можно только принять его как объект для практики ученицы-старшеклассницы Сони Сондак, у которой она ведет практику. Так с ней договорились, и Вадик целый учебный год учился у практикантки, а на самом деле больше у её руководительницы Габриеллы Парашы.

В конце учебного года учительница сказала, что Вадик способный и имеет хороший слух и жалко ему терять время, будучи объектом практики. Придумали другой вариант: поступить в класс виолончели, где прием допускается на год позже. Прием прошел успешно, и в конце вся комиссия спела выбранную им песню из «Бременских музыкантов». Приняли Вадика в школу с условием : за первые два учебных года завершить 4 класса. Преподавателем по классу виолончели была Нина Леонидовна Калме. За первый учебный год он программу двух классов завершил, но в начале второго полугодия второго учебного года тяжело заболел ангиной, результатом чего стал порок сердечного клапана. Поэтому ему дальнейшая учеба игры на виолончели была противопоказана. Он продолжал понемногу играть самостоятельно, вместе с Лёней и со мной в составе «семейного трио» и в университетском оркестре. После того, как мы разъехались по разным странам, он иногда играет сам.

Музыка - 1980

Оркестр ездил в 1980 году в Ереван на конкурс камерных оркестров высших учебных заведений СССР и получил там 1-е место. Дирижером (1976-1982) был Виестурс Гайлис (он также руководил хором «Миньон» ЛГУ), затем в 1983-1986 — Дзинтарс Йостс, а после него — Гунтис Клявиньш.

Музыка — 1988

В 1988м году было создано Латвийское Общество Еврейской Культуры (ЛОЕК), и после возвращения обществу здания на улице Сколас №6 в зале этого здания начались культурно массовые мероприятия. Одним из первых было празднование Пурим, в котором участвовал ансамбль, организованный гобоистом Самуилом Хейфецом. Исполнялась музыка из мюзикла «Скрипач на крыше» Джерри Бока и текст романа «Тевье- молочник» Шолом — Алейхема. Отдавая дань жертвам еврейского народа при нацизме и в знак сочувствия латышского народа, дирижер университетского оркестра Гунтис Клявиньш подобрал и обработал для нашего оркестра оригинальный репертуар для целого концерта из еврейских произведений, в частности «Марш Маккаби», спасшегося узника гетто Элия Хейфеца, который был под запретом и не исполнялся с 1937 года, и ряд вокальных и инструментальных произведений из сборника «Антология еврейской песни» профессора Гольдина.

На концерте в мае 1991 года в малом зале ЛГУ присутствовал сам Э. Хейфец, который со слезами на глазах благодарил Клявиня. Всё это было снято на киноплёнку известным кинодокументалистом и выдающимся кинорежиссёром Герцом Франком и вошло в созданный им документальный фильм «Еврейская улица. Спасенные». Несмотря на наше, приглашение руководство ЛОЕК не посчитало нужным прислать своего представителя на этот концерт еврейской музыки, исполняемой латышским коллективом. Деятели ЛОЕК посчитали ненужным допустить оркестр к Фестивалю еврейской культуры Балтийских

стран в августе 1991го года. Осенью этого же года мы концерт повторили. Тогда представитель ЛОЕК Кармела Скорик пришла и наградила дирижера Гунтиса Клявиня и меня бумажками с благодарностью, но Э. Хейфец прошедшим летом уже умер.

Через год оркестр пригласили для концерта в большом зале ЛОЕК. Концерт прошел с успехом, но не был оплачен. К. Скорик обещала заплатить, когда оркестр будет приглашен второй раз, однако второго приглашения оркестр не получил. Все эти события начального этапа существования и культурной жизни ЛОЕК нигде не описаны.

Саша — 1947

Каждое лето, начиная с 1947 года мы с Сашей жили на дачах, которые мама с папой снимали в Юрмале, сначала в Булдури, а затем в Майори. Мама сначала работала в Риге в юридической консультации на улице Пушкина несколько лет, а затем, когда она стала заведовать юридической консультацией в Майори, дачи снимали в Майори на улице Йомас. Мы с Сашей жили дружно, но иногда случались конфликты. Такой конфликт у нас произошел, когда я решил отучить Сашу от употребления уксуса, к чему я сам его раньше приучил. Я ему приготовил на ужин бутерброд с сыром, помидором, солью, перцем и луком и отказался добавить уксус. Тогда Саша поднял такой страшный крик на всю улицу «я хочу хлеб с маслом, сыром, луком, перцем, солью и уксусом!» что к нам с соседнего двора через забор стал перелезать мужик, с криком «кто там издевается над ребёнком?». Правда, мама мою настойчивость не одобрила, а сказала, чтобы я воспитывал своих детей, когда они будут.

Вскоре встал вопрос о музыкальном образовании Саши, у которого проявились музыкальные способности, как я уже давно заметил. При проверках в музыкальной школе имени Эмиля Дарзиня у Саши установили абсолютный слух, которого у меня не было, и наши родители решили реализовать мечту о скрипичном обучении ребёнка, которое мне не удалось завершить из-за войны.

Саша успешно поступил в школу имени Дарзиня и так как Залман Талан погиб, стал учиться у педагога Петра Смильги, которому в качестве репетитора помогала его жена. Так как папа Лёва, который в отличие от довоенного времени, когда он часто был без работы и с ремнём в руке следил за моими занятиями, был часто занят, то домашним репетитором Саши стала мама Фира. Она была более эмоциональна и, когда Саша не хотел выполнять требования педагога, выражала свою обиду словами: «я тебя кормлю и одеваю, а ты не хочешь как следует заниматься!». Однажды, после таких излияний, Саша рассердился и сказал маме: «мне от тебя ничего не надо, ни еды и ни одежды» и, раздевшись, голышом выбежал на лестничную площадку дома.

Я вспомнил, что у меня с мамой тоже был конфликт. Когда я с ней занимался: я ударил её недавно купленным дорогим смычком и сломал его, после чего сам заплакал. Правда, мне его починили, и я еще после войны им играл.

Саша успешно закончил музыкальную школу концертом Арама Хачатуряна и отправился в Ленинград для поступления в Консерваторию имени Римского-Корсакова. С ним также туда отправились окончившие ту же школу две пианистки и его лучший друг Валерий Майский, который затем погиб. Сашу сопровождала мама Фира. Сначала Сашу прослушал известный скрипач Михаил Вайман, которому Саша понравился. Вайман согласился стать его педагогом и сказал: «Мне в жизни помогли, и я постараюсь вывести его в скрипачи!».

И тут мама совершила роковую ошибку, которую она не могла простить себе до конца жизни. Она послушала совет своей знакомой и договорилась о том, чтобы Саша стал учиться у профессора консерватории Шера, который, по словам этой знакомой, является «светилом». Этот выбор оказался неудачным, так как Шер был уже старым и через 3 года умер, а Саша фактически занимался у ассистентов Шера.

Саша успешно закончил консерваторию и стал хорошим оркестровым скрипачом, а мама считала, что Вайман вывел бы его в солисты. После окончания консерватории Сашу направили в Новосибирск в хороший филармонический оркестр с дирижером Кацом, но Мама была недовольна, что Саша так далеко, так как она стала часто болеть, и в связи с этим ей через некоторое время удалось добиться, что его освободили от работы в Новосибирске и разрешили устроиться в Риге. Тут ему помог устроиться в оперном театре директор филармонии Швейник, но в это время ему из Ленинграда Сашина жена Галина Мамон сообщила, что объявлен конкурс на место скрипача в Ленинградский Малый Оперный Театр. Саша сразу поехал в Ленинград, и его приняли в состав оркестра этого театра. Это была удача также для Галины, которая уже была готова ехать в Новосибирск, по месту работы мужа.

*Свадьба Гали и Саши,
1960-е годы*

Галина тоже стала работать в Ленинграде — в музыкальном училище при консерватории преподавать игру на фортепиано. Они получили квартиру в Ленинграде. В 1968м году Галя родила сына Дмитрия, а в 1971м году — сына Сергея. Так как у Гали и Саши было много работы, папа (дедушка Лёва) стал приезжать в Ленинград, чтобы помогать им по хозяйству и в воспитании и детей.

Дача, 1971

Также стал важным вопрос о летнем отдыхе, так как детей в наших с Сашей семьях стало больше, а снять дачу на Рижском взморье становилось всё труднее и дороже.

Участок для строительства мама могла получить уже раньше, но мы тогда не знали, как осуществить строительство. Теперь же появился понимающий и умелый человек — отец Галины Андрей Васильевич Мамон и в это же время в 1971-1972 годах был организован

дачный кооператив Латвийского Государственного университета «Вега», и наш профсоюз предложил мне участок в Саулкрасты для строительства дачи. Андрей Васильевич взялся организовать и руководить начальным этапом строительства, приобретением и доставкой стройматериалов.

Сначала над обрывом был построен временный туалет, затем из толстых досок собрана временка. Эти доски были взяты из развалин дома, который мешал возведению моста в Засулауксе.

Наконец, в 1975 году дача общими силами наших семейств в основном была построена и началось её заселение — нижний этаж семьей Мамон, которая приезжала из Ленинграда, а верхний — семьей Энгельсон.

Основная заслуга, конечно, принадлежит Андрею Васильевичу и его сыну Владимиру, а также Владимиру Плешаку - мужу Людмилы Мамон, но и Лёня из нашей семьи активно участвовал в строительстве - установке фундамента и строительстве колодца и др.

Лёва, Галина, Андрей Васильевич с Димой, Вера Сергеевна, Саша с Сережей в Петродворце (Ленинград) в 1972 году.

Саша — 1970

Через некоторое время Сашу приняли по конкурсу в Ленинградский симфонический оркестр, которым руководил дирижёр Юрий Темирканов. Его также часто приглашали к участию в работе и гастролях Заслуженного коллектива Оркестра Ленинградской филармонии под руководством Евгения Мравинского, а после его смерти — Темирканова. Шефом Саши тогда стал Дмитриев.

Иссарион Энгельсон (первый слева) в составе Симфонического Оркестра Ленинградской филармонии, 1980-е годы (Архив Георгия Джараинели). Ося Гринман - в середине фотографии.

Саша — 1976

Дедушка Лёва по мере сил помогал Саше и Гале в их трудной жизни, но временами не рассчитывал своих сил. Так, в 1976 году его сердце не выдержало веса покупок, и он оказался в больнице. Приехав к нему в больницу, я нашел его уже в тяжелом состоянии, но через неделю мне пришлось вернуться в Ригу - начиналась экзаменационная сессия в университете, и меня сменил Лёня. Когда он приехал в Ленинград, дедушка уже через неделю умер. Это произошло 26 декабря 1976. Лёня очень активно и умело помогал Гале по оформлению документов о смерти и перевозке в Ригу тела деда Лёвы, а при перевозке существенную роль сыграл отец Гали Андрей Васильевич.

Прощание с Сашей

Летом оркестры, в которых играл Саша иногда гастролировали в Риге в Юрмале, поэтому Саша имел возможность это время и свой отпуск проводить в Саулкрасты на нашей даче. Это место он страстно полюбил и считал раем на земле. Уговорить его зачем-нибудь, кроме работы, уехать с дачи было почти невозможно.

Фактически Саша работал много в обоих оркестрах, а также ансамблях оркестрантов. В один из напряженных рабочих дней, когда он имел 2 репетиции и один концерт, случилось непоправимое: Целую неделю до этого у него болел как будто бы желудок. На предложение сделать ЭКГ, он отвечал, что всё это ерунда и он даже знает, в какой кишке у него язва. Оказалось, что это был не кишечник и не желудок, он неделю ходил и работал с инфарктом.

Когда Саша в тот день пришел домой, он опять пожаловался на боль в животе и стал смотреть телевизор — передавали концерт американского оркестра под управлением М. Ростроповича. Программа оказалась подобранной символично: Э. Григ - «Смерть Озе», С. Прокофьев - «Смерть Тибальда», П. Чайковский - 6-я (Трагическая) симфония. Одновременно, этот концерт я тоже слушал по телевизору в Риге. Во время исполнения 2й части симфонии позвонил Саше его друг Ося Гринман, с которым они много лет за

одним пультом играли в оркестре Темирканова, и попросил прощения за то, что «достал» Сашу в тот день «по полной программе». Видимо, Ося как бы чувствовал, что Саша «уходит» из нашего мира. «А правда, мы лучше играли эту симфонию?» спросил он под занавес. «Галка, как мне плохо!», сказал Саша, отдавая Гале тарелочку с рисовой кашей. Он умер за минуту.

По звонку Гали прибежала соседка — фельдшер, увидевшая уже трупные пятна, но побоявшаяся объявить семье. А врач скорой помощи констатировал смерть, и Галя это сообщила мне в Ригу. Сначала я не хотел верить, а потом сразу решил ехать в Ленинград. Вскрытие показало острый обширный инфаркт. Врач патологоанатом сказал: «Я просто не представляю, как он мог жить с такими .сосудами, которые были все безнадежно обывествлены. Это уму не постижимо!» Эту информацию «из первых рук» получила Инна, друг нашей семьи.

Прощание с Сашей проходило после панихиды по знаменитому дирижеру Евгению Мравинскому. Сашу отпевали как короля. Под пышным балдахином, на траурном постаменте. Пришли прощаться оба оркестра. Дирижер Дмитриев сказал: « вот мы видим, насколько лёгким является труд музыканта» .Многие женщины рыдали, также некоторые мужчины не могли сдерживать слёз. Звучала музыка в исполнении квартета. Прощаясь, люди шли длинной траурной лентой.

Потом покойника погрузили в новую военную машину, присланную из Большого дома КГБ Санкт-Петербурга. В машину к солдату сел Дима, и Сашу повезли в Ригу на кладбище в Шмерли, где ночью их встретил Лёня и проводил в каплицу. Видимо, тогда Дима принял решение переселиться в Ригу, ближе к любимому отцу, я помог ему оформить латвийское гражданство, на которое он имел право. Через некоторое время в Ригу приехали близкие друзья Саши из оркестра, и мы устроили поминки в нашей квартире.

Николай Гумилев – Волшебная скрипка

Валерию Брюсову

*Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка,
Не проси об этом счастье, отравляющем миры,
Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка,
Что такое темный ужас начинателя игры!*

*Тот, кто взял её однажды в повелительные руки,
У того исчез навеки безмятежный свет очей,
Духи ада любят слушать эти царственные звуки,
Бродят бешеные волки по дороге скрипачей.*

*Надо вечно петь и плакать этим струнам, звонким струнам,
Вечно должен биться, виться обезумевший смычок,
И под солнцем, и под вьюгой, под белеющим буруном,
И когда пылает запад, и когда горит восток.*

Ты устанешь и замедлишь, и на миг прервется пенье,

*И уж ты не сможешь крикнуть, шевельнуться и вздохнуть,—
Тотчас бешеные волки в кровожадном исступлении
В горло вцепятся зубами, встанут лапами на грудь.*

*Ты поймешь тогда, как злобно насмехалось все, что пело,
В очи глянет запоздалый, но властительный испуг,
И тоскливый смертный холод обовьет, как тканью, тело,
И невеста зарыдает, и задумается друг.*

*Мальчик, дальше! Здесь не встретишь ни веселья, ни сокровищ!
Но я вижу — ты смеешься, эти взоры — два луча.
На, владей волшебной скрипкой, посмотри в глаза чудовищ
И погибни славной смертью, страшной смертью скрипача.*

Продолжая знакомство и дружбу с Осей Гринманом и его женой Таней, которые переселились в Португалию, мы с Ириной в 1994 году перевезли им две ценные Осины скрипки, а они, в свою очередь, покрыли все расходы нашего приезда и 2-х недельного путешествия по Португалии. Там мы посетили университет в Каимбре, а в Лиссабоне — единственное здание — церковь, не разрушенную при землетрясении, разрушившем весь Лиссабон. Для Ирины это путешествие было не лёгким, так как её продолжали мучить боли от коксартроза, а путь был по сильно пересечённой местности. К концу путешествия она отказалась от маршрута по исторически интересной северной части Португалии, и я его проделал один.

Швеция, 1991 Лёня продолжал работать преподавателем высшей математики для студентов экономического факультета Латвийского Госуниверситета. Хотя вообще он преподавательскую работу любил, в данном случае она не доставляла ему удовольствия ввиду наплевательского отношения к этому его коллег-экономистов. Когда он стал спрашивать у них, что из математики студентам-экономистам нужно знать, они отвечали: «ничего им не нужно. Читайте что хотите».

Когда один из профессоров — экономистов попросил, чтобы одной нерадивой студентке Лёня поставил зачет ни за что, а Лёня отказался, он обвинил Лёню в непорядочности. Ввиду такого положения Лёня был доволен, когда мой бывший очень хороший студент профессор физики Клява предложил ему в 1991м году устроить стажировку у шведского профессора — экономиста Сникерса. Это удалось, хотя Лёне потом было не легко.

Пришлось и поголодать, ибо средств, выделенных Гётеборгским научным обществом на стажёров было маловато, чтобы прожить полгода, а в Ригу он не мог поехать, так как виза, выданная вначале на 2 месяца, долго не продлевалась посольством Швеции. А по этой причине ему не выдавали зарплату. Лишь весной нам с Ирой удалось приехать к нему в Стокгольм, накормить его и с продлённой визой привести в Ригу. В конце концов он устроился на постоянную работу в Стокгольме и даже Вадику помог связаться с профессором Линчёпингского университета Питером Фрицсоном, который стал потом руководителем его докторской диссертации, а также дальнейшей работы.

Затем Лёня устроился на работу в Техническом университете в Стокгольме и в научном институте транспорта и стал зарабатывать столько, что налог на зарплату и вклады в банке превысил заработок. Так как в это время в Риге появилось много банков и фирм, дающих хорошие проценты за вклады, я предложил Лёне выбрать некоторую сумму денег из шведского банка и дать их мне, чтобы вложить в Риге. Вначале я действительно

несколько вкладов разместил по разным фирмам выгодно, получив больше вложенного, но затем фирмы постепенно стали закрываться, и я начал выбирать вклады с большей или меньшей выгодой. В общем, кажется, по моим подсчетам, большого проигрыша не получилось, а часть денег была потрачена на наши с Ирой поездки в Данию, большой круиз Одесса — Истамбул — Кипр — Египет — Израиль в 1995м году.

Во время этих поездок Ирина очень страдала от коксартроза., каждый шаг доставлял ей всё более острую боль. Но и в Риге ей было трудно, так как уже несколько лет не работал лифт в нашем доме, а домоуправление его не ремонтировало, ссылаясь на отсутствие средств.

Когда наш дом вместе с другими национализированными домами был денационализирован, владельцы домов, принадлежавших Энгельсонам и Шатцам, решили объединиться в одну фирму «Антония» под руководством Виктора Давидовича Шатца. Тогда я от имени нашей фирмы обратился в фирму Шиндлер с просьбой отремонтировать наш лифт. Фирма Шиндлер запросила за ремонт 40.000 рублей, на что Виктор Шатц ответил, что таких денег у «Антония» нет. Тогда я по совету нашего родственника Леонида Вапне обратился в другую фирму, которая оценила ремонт нашего лифта в 4.000 рублей и потребовала паспорт лифта, который должен был иметься у фирмы Шиндлер. Последняя сначала ответила, что паспорта не имеет, а затем прислала своего представителя, который оценил ремонт в 4.000 рублей, на что Виктор Шатц ответил, что такой суммы у «Антонии» сейчас тоже нет. Тогда Леонид Энгельсон (мой сын), который в Швеции уже имел нормальный заработок и сочувствовал матери, страдающей от острой боли при подъеме по лестнице, предложил дать беспроцентный заём фирме «Антония» для оплаты ремонта лифта в нашем доме. Из средств Леонида также пошли деньги на благодарность хирургу за последнюю операцию Ирины, которая, правда, её не спасла.

Болезнь Иры, 1996-1997

Весной 1996 года хороший врач из поликлиники направила Ирину на просвечивание желудка в связи с подозрением на рак. К сожалению, исследующий врач из правильного описания результатов просвечивания сделал неправильный вывод - «гастрит». Этот неправильный вывод Ирину успокоил. Она в поликлинику не пошла, хотя врач, направившая её на исследование, велела показать результаты. Я в это время был в Швеции и нянчил ленину новорожденную дочку Машеньку. Может быть, если роковую ошибку открыли бы раньше, Ирина прожила бы еще некоторое время.

На последнем, тяжелейшем этапе её жизни многие друзья, а особенно Лена Шапиро и её дочка Илана, проявили большое сочувствие и практическую помощь и поддержку, когда Ирина лежала последние дни своей жизни в онкологической больнице, где Илана работает.

На прощание с мамой Лёня и Вадик приехали, когда Ира была уже близка к смерти 11го февраля 1997го года и на похоронах Ирины Лёня с Вадиком очень проникновенно прочитали молитву Кадыш.

Отъезд в Германию 1997

После смерти Ирины я остался в Риге совсем одиноким и очень переживал её борьбу за жизнь. В моих ушах надолго остались её мольбы: «Я так не хочу умирать!» «Я хочу увидеть Кёльнский собор и деву Лорелей!». Единственным спасением от тоски оказалась моя внучка Ася, которая вместе со мной поехала в Петербург на каникулы, чтобы со мной

рассеяться и успокоиться. Мы с ней ознакомились с Петербургом и посетили музеи и театры. Особенно понравился симфонический концерт в большом зале Ленинградской Филармонии, когда исполняли произведения Листа, в частности Рапсодию на тему Паганини. К сожалению этот праздник длился недолго, так как вскоре после возвращения в Ригу Ася окончила среднюю школу и отправилась в Америку, чтобы поступить там в ВУЗ. Это ей удалось, и она выиграла Greencard которая дала ей возможность вместе с мамой Леной отправиться в США. Тогда я тоже стал готовиться к отъезду в Германию, который мы с Ириной планировали и на который имели приглашение.

Когда при ЛОЕКе образовался совет ученых при синагоге я участвовал в его работе и главный раввин Баркан подготовил письмо, с моей характеристикой-рекомендацией соответствующим организациям в Германии, которое мне там пригодилось. Мой соученик Мейер Вестерманн дал мне дельные совет: стараться получить там пенсию, а не жить на пособия, что там считают паразитизмом (быть *Schmarozerom*). А пока мы в Риге участвовали в работе синагоги музыкальными сопровождениями мероприятий (свадьбы), к которым я привлек органистку Евгению Лисицину чтобы дать ей заработать.

Уже зимой 1996-го года в Германию по совету бывшей рижанки Симы Розенталь из Майнца отправились Аги и Урий Шенкманы, но они через две недели вернулись, ибо ознакомившись с обстановкой решили, что их зять там на работу устроиться не сможет. Несмотря на это, я всё же решил ехать, но получил от Шенкманов некоторые полезные для начала сведения, в частности, адрес Симы Розенталь, которая к моменту моего приезда переехала в Висбаден. Правда, вначале они мне сказали, что едут в Майнц и поэтому я в заявлении посольству Германии я написал, что хочу в Майнц, который соседствует с Висбаденом. Но сначала меня приняли в маленьком городке Остхофене южнее Майнца в 20ти км от города Вормса, где находился сборный лагерь для приезжающих. Сюда я прибыл 27го Августа 1997 года и меня поместили в комнату с молодым русским парнем. Он меня не беспокоил, но в лагере была группа русских парней, которые на него плохо влияли. Одну ночь я нашел его на полу за дверью в нашу комнату и дотащил до кровати, а когда я уехал из лагеря он, как мне потом рассказывали, под влиянием друзей спился. Так как я был почти единственным в лагере среди прибывших из России, говорящим по-немецки, то я старался по возможности помогать им в различных учреждениях, за что меня благодарили и становились моими друзьями.

Специальные местные работники занялись мною и помогли мне оформить бумаги для получения немецкой пенсии и я уже в июле того же года стал её получать. В июле в Майнц приехали Лёня с Галей и мы с ними поехали в экскурсию ознакомиться с городом Вюрцбург. Но пока Галя зашла в магазин Майнца что-то купить, а мы с Лёней стояли на улице, я увидел, как одна немка подошла к русскому мужчине с трубой и что-то спрашивала, а он отвечал отрицательно. Я хотел им помочь объясниться и спросил в чём дело. Немка сказала, что для создаваемой её мужем похоронной фирмы требуется музыкант и она предлагала трубачу эту работу, но он отказался, ибо уезжает. Тогда я предложил ей скрипача с пианисткой (я имел ввиду пианистку Владу Пороцкую, живущую в Майнце, с которой я уже пробовал играть). Немка сказала, что это хорошо и надо договориться с её мужем господином Дёрром. Вскоре мне в Майнце предложили комнату и приехала в гости Галя Мамон — вдова моего брата Саши. Сначала мы ночевали в комнате, где я жил, мой сосед тогда куда-то уехал. Затем Галя помогла мне минимально устроиться в Майнце в предоставленной мне комнате и мы ночевали в ней. Тогда Галя предложила согласно еврейскому обычаю пожениться. Для этого ей надо было получить разрешение на жительство в Германии. Сначала Германское консульство в этом

отказало, так как моей пенсии было недостаточно для жизнеобеспечения двух человек. Тогда я попросил шефа похоронной фирмы дать мне справку, что он мне гарантирует месячный заработок 600 DM. Когда Германское консульство получило эту справку, Гале уже через неделю была предоставлена виза для въезда в Германию с целью замужества. Тогда Галя отправилась в Германию и приехала через неделю, предварительно ознакомившись с игрой на органе, так как я предположил, что она смогла бы на похоронах и в церквях играть скорее на органе, чем на пианино. После приезда Гали мы зарегистрировали брак и я через несколько дней уехал в Ригу, оставив Галю в Майнце, что было не очень рискованно, учитывая, что в доме, где я получил комнату, уже жило много русских семей.

medaille ausgezeichnet, als Pianistin absolvierte. Die Klav

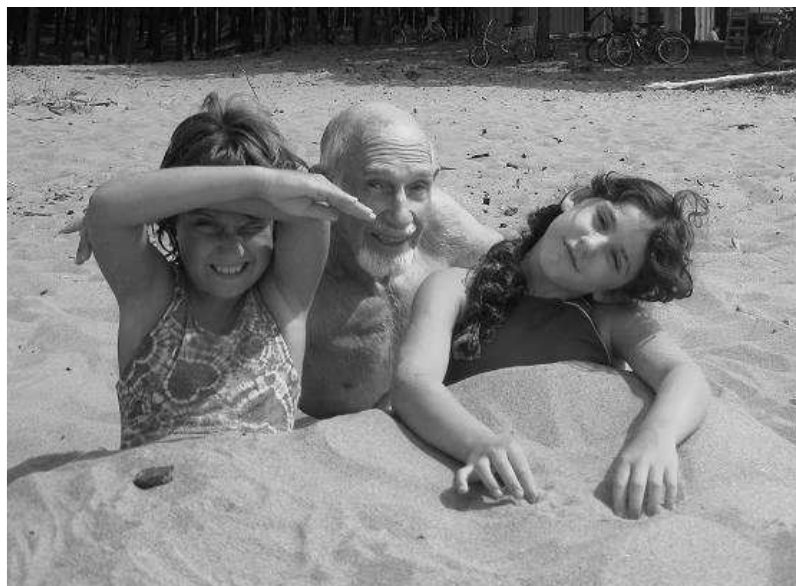

Korsakow
ich meine
solvierte i:
hochschu
teren 5 Ja
plom ein
zertmeiste
Klavierleh
1998 erte
in Musik
mich auch
Im Jahre
Mainz un

meines verstorbenen Mannes Dr. Math. Jakob Engelsons.

Журнал лютеранской общины одной из церквей Майнца с рассказом о Галине и Якове, 2003 год

Сейчас я с Галей живу в Гамбурге, на два летних месяца приезжаю в Ригу и Саулкрасты каждый год.

С правнучкой Лиз и внучкой Беллой на пляже в Саулкрасты, 2010 год.

Галина, Вадик, Эстер, Яша, Даник, Белла в Саулкрасты, 2014 год

Приложение. Эсфирь Энгельсон - Воспоминания о встрече с Райнисом

С мая по 8-е сентября 1929-го года я с мужем и 4х летним сыном Екабом, проживала на даче нашего великого писателя Яниса Райниса на Рижском Взморье в Майори по улице Александровской д. № 7. Принадлежащее писателю домовладение находилось на небольшой территории между двумя оживленнейшими улицами Взморья Юрас и Иомас, и было окаймлено садом, огороженным низким забором.

Все домовладение состояло из двух двухэтажных домиков, из которых один был расположен ближе к Александровской улице, а второй находился в глубине сада. Там же неподалеку находился маленький флигель. Домик, расположенный ближе к улице, писатель сдавал на лето дачникам. Во втором доме писатель проживал вместе со своей супругой Аспазией, где на верхнем этаже занимал две маленькие комнатки, а на нижнем этаже проживал доктор Лукин со своей женой Кайей Авиндой, писательницей.

В флигеле проживала и хозяйничала служившая много лет у Райниса старенькая Аннушка. Помещение, занимаемое писателем было обставлено очень скромно. Там было только самое необходимое: диван, комод, небольшой стол, пара стульев и полка с книгами.

Я с семьей проживала в доме, расположенном ближе к улице, где на нижнем этаже, слева от главного входа занимала комнату с верандой. В нашем распоряжении находилась и угловая часть сада слева от калитки. Там стоял простой, круглый белый стол, 4 садовых кресла и висел наш гамак.

Перед обоими домиками были клумбы с цветами. Причем у дома, где проживал писатель, растительности было больше. Там кроме клумбы, были еще кусты с розами и сбоку росли кусты смородины и крыжовника. Лето **1929-го** года было очень теплое, и я с ребенком больше находилась в предоставленном нам уголке сада на свежем воздухе, нежели в помещении, и мы часто встречались с проходившим мимо нас писателем. В силу этих обстоятельств мне выпало счастье узнать этого незаурядного человека, большого писателя и мыслителя в обыденной повседневной обстановке.

Хотя Райнис приобрел недвижимость на Взморье в 1927-м году, он первые два года мало проживал на своей даче и почти ежедневно ездил туда и обратно в Ригу. Ему вначале было трудно приспособиться к дачной обстановке, когда уже с самого раннего утра из соседних дач раздавались громкие звуки патефонов, игравших модные шлягеры-фокстроты или песенки Вертинского. Не могли привлекать и раздававшиеся поблизости нестройные песни и голоса подвыпивших компаний. Это, несомненно, раздражало поэта и мешало продуктивной работе и он предпочитал каждый вечер возвращаться в Ригу, где у него были все условия, чтоб спокойно работать и творить.

Вот почему, еще задолго до того как я поселилась на даче Райниса, я часто его встречала бодро и быстро шагающего в сером костюме с чемоданчиком в руке по дороге на станцию Дзинтари (тогда Эдинбург 2). Его стройную, высокую фигуру можно было часто видеть в вагоне 2-го класса пригородного поезда Рига-Взморье. В 1929-м году Райнис в Ригу ездил редко и почти все лето провел на своей даче. Здесь его можно было видеть занимающимся самыми прозаическими делами - пилил дрова и носил воду, и т.п.

Вспоминается такой курьезный случай. Как то утром встречаю писателя с ведром воды. Спрашиваю, чего это он занимается неположенным ему делом, а Райнис с улыбкой отвечает, что сегодня ему приходится самому хозяйничать, так как Аспазия с Аннушкой и кошкой Минкой уехали в Ригу к ветеринарному врачу. Оказалось, что одна из кошек

Аспазии, Минка, заболела и ей надо было срочно оказать медицинскую помощь. Райнис был прост в обращении и общителен. При встречах был приветлив, всегда первый заговаривал и рассказывал что либо интересное: то ли о событиях дня, прочитанных в газете или о политике. Он никогда не подчеркивал и не давал почувствовать своего превосходства.

Райнис очень любил детей и дети платили ему тем же: они просто его обожали. Мой маленький сынишка был частым гостем писателя, который называл его не иначе, как "Мой маленький друг". Они всегда находили тему для разговора и мне часто бывало трудно оторвать моего сына от столь интересного и занимательного собеседника. Это был обаятельный человек, он просто очаровывал каждого, кто с ним сталкивался. Нелая не вспомнить с каким трогательным вниманием он относился, например, к проживавшей на даче глухо-немой писательнице Кайе Иванде. Часто можно было видеть ее сидящей в саду за столом с Райнисом. Поскольку из-за недуга писательницы разговаривать с нею было невозможно, то они, сидя за столом, переписывались. Райнис строго соблюдал намеченный им распорядок дня.

Он вставал очень рано, чуть ли не в 6 часов утра. Независимо от погоды он уже в 7 часов утра уходил купаться в море. Выйдя из воды он на пляже делал сложные гимнастические упражнения после чего совершал длительные прогулки по пляжу или лесу, во время которых у него рождались творческие замыслы. Он был подвижен, бодр, полон сил и энергии, и просто не верилось, что этому человеку уже 64 года. Возвращался с прогулок, обычно, в хорошем настроении и всегда рекомендовал идти купаться, говоря "Чудесная вода". Питался он обычно на свежем воздухе в саду, где у флигеля заботливой и преданной Аннушкой был накрыт стол и приготовлен завтрак. Завтрак состоял большей частью из молочных продуктов, яиц, иногда рыбы. Излишеств в еде Райнис себе не позволял.

Хотя он не был вегетарианцем, но мяса употреблял мало и редко. После завтрака Райнис спешил к себе в комнату, где он интенсивно работал до самого обеда, до 16-ти часов. После вечерней прогулки и легкого ужина он снова приступал к работе и засиживался до глубокой ночи. Последние месяцы своей жизни Райнис работал над книгой о Палестине, писал афоризмы, намереваясь их издать отдельным сборником. У него было много творческих замыслов, но он беспокоился, что не успеет всё задуманное написать. Он часто говорил: "у меня еще столько работы, а времени мало"... Он как будто переживал, что скоро умрет, не успев завершить задуманное.

Райнис много и интенсивно работал, но ему все казалось, что он мало работает и был собой недоволен и часто говорил, что он ленив. После своего путешествия в 1929 году за границу по Италии, Египту и Палестине, он намеревался в 1930-м году совершить путешествие со своим другом доктором Лившицем в Северо-Американские Соединенные штаты. События в Палестине, кровавые столкновения, происходившие в то время между евреями и арабами, о которых тогда много писали в газетах, были часто темой разговора Райниса с жильцами. Мне запомнилась фраза сказанная во время этих разговоров Райнисом: "Не надо печалиться о том, что там происходит. Каждая борьба требует жертв, но это всегда к лучшему."

Лето близилось к концу. В жизни Райниса не замечалось никаких особых изменений или происшествий. Тот же распорядок дня: утренние купания, длительные прогулки и работа.

После одного из купаний Райнис сильно простудился и вынужден был лечь на несколько дней в постель. К этому времени стала портиться погода и это ускорило возвращение дачников в город. Целые караваны подвод и машин,груженые домашним скарбом и имуществом дачников, двигались по шоссе по направлению в Ригу. Взморье опустело. Разъехалась и большая часть жильцов, проживавших на даче Райниса. Перебралась в город и жена писателя, Аспазия. На всей территории дачи остались лишь Райнис с Аннушкой, да я с семьей. Через несколько дней дожди прекратились, стало снова тепло и наступила золотая осень. Лазурное небо,легкий шум окружающих деревьев с желтеющей листвой, отдаленный шум морских волн, прекрасная солнечная погода создавали творческое настроение и Райнис решил осень провести безвыездно на взморье. В связи с этим он стал перебираться на второй этаж ближайшего к улице дома,где было просторнее и больше воздуха и солнца, нежели там, где он проживал.

4-го сентября с утра Райнис чувствовал себя не очень хорошо, но несмотря на плохое самочувствие он стал устраиваться на новом месте. С помощью Аннушки была убрана одна из комнат, в которой находилась белая железная кровать, комод, умывальный столик и оставалось перенести из прежней комнаты книги и рукописи писателя, которые были сложены в одном из ящиков комода. Ящик был очень тяжелый и поднять его оказалось Райнису не под силу. Аннушка предложила перенести книги по частям в корзине,но Райнис не согласился и попросил Аннушку помочь нести ящик. С большим трудом оба перенесли ящик в комнату. Не успела Аннушка спуститься вниз, как она услышала авук падающего тела. Поспешив обратно наверх,она увидела лежащего навзничь на полу без сознания Райниса. Очень испугавшись, Аннушка стала громко звать на помощь. К счастью, я оказалась поблизости в саду и услышала вопли Аннушки. Побежав наверх и увидев неподвижно лежащего на полу Райниса, я схватила с умывальника кувшин с водой и стала брызгать воду по лицу поэта. Через несколько мгновений Райнис открыл глаза, но в первый момент он не узнал ни меня, ни Аннушки. Но когда через несколько минут,показавшиеся мне вечностью, Райнис окончательно пришел в себя и нас узнал, он спросил: "Что со мной было?", и потом смущенно, как-бы извиняясь, добавил: "Я вас напугал?" и стал нас успокаивать,говоря "ничего,ничего...".

Не без труда мы с Аннушкой помогли писателю подняться с пола, уложили на кровать. Дав попить ему немного холодной воды и посидев еще некоторое время у его постели, я ушла, оставив его на попечении Аннушки. О случившемся я немедленно сообщила по телефону Аспазии в Ригу и она через пару часов приехала на взморье. Позже приехал и друг писателя д-р Лифшиц, который исследовал больного и назначил ему постельный режим. Заметка в местной газете о случившемся с Райнисом припадке не вызвала отклика среди друзей и почитателей поэта. Никто не нашел нужным навестить его. И что особенно меня удивило, это то, его жена Аспазия не предприняла никаких активных мер для его лечения, хотя состояния его здоровья уже тогда должно было вызвать серьезные опасения и тревогу.

Сам Райнис не знал, что он серьезно болен и как только ему немного полегчало, он возобновил свои утренние прогулки по опустевшему пляжу. Но прежней радости они ему уже не доставляли. Он быстро уставал и, походив немного, возвращался домой. С трудом, по несколько раз останавливаясь на лесенке, он подымался к себе в комнату. О тяжелом состоянии Райниса не знали и не догадывались самые близкие ему люди. Аспазия изредка наезжала проведать Райниса, но через пару часов уезжала обратно в Ригу. Ему не были своевременно обеспечены квалифицированная медицинская помощь и надлежащий уход. Никого не было рядом, чтоб следить за соблюдением Райнисом постельного режима,приема надлежащих лекарств и т.д. Забота 67-ти летней старушки Аннушки,

которая сама еле держалась на ногах, была явно недостаточна. Она была не в силах обеспечить больного всем необходимым. 8-го сентября я зашла проводить Райниса. Застала его не в комнате, куда он перебрался, а на веранде. Он лежал на диване и что-то писал.

Писатель пояснил, что в комнате всего одно окно, выходящее на теневую сторону сада и там мало солнца, которое он так любит, а потому он весь день проводит на веранде, где много солнца и света. Все три окна на веранде были открыты настежь, светило солнце, сюда проникал заглушенный шум морских волн и был слышен шелест деревьев. На взморье в этот день было, действительно, прекрасно. Мое посещение явно обрадовало писателя, и он сказал: "приятно сознавать, что я не всеми забыт". Озабоченная болезненным видом писателя, я ему посоветовала перебраться в город, где он себя не будет чувствовать одиноким среди друзей и где ему, в случае надобности, может быть оказана необходимая медицинская помощь. Райнис на это мне ответил, что чувствует себя хорошо и в Ригу так скоро перебираться не собирается. Он стал говорить, что золотая осень, тишина и природа создают творческое настроение и что только теперь он приступит к настоящей творческой работе. Я, конечно, от всей души пожелала ему больших успехов в труде.

Тогда же он подарил мне фотографию, где мы с ним и Аспазией незадолго до этого снимались, и сделал на ней краткую надпись. 9-го сентября 1929-го года я в последний раз видела поэта. В этот день я после летнего отдыха возвращалась в город и перед отъездом я зашла попрощаться с писателем. Как и накануне Райнис лежал на веранде на диване и что-то писал. Была, как и накануне, прекрасная погода, но от мысли, что с наступлением вечера на всей территории дачи Райнис остается один с Аннушкой и если с ним что-нибудь случится помощи ждать неоткуда, мне стало жутко.

В то время было не то, что теперь. Уже с 1-го сентября дачи заколачивались, и на всем взморье не видно было живой души. Я снова попыталась убедить писателя переехать в Ригу, но безуспешно. Райнис наоборот стал меня уверять, что чувствует себя очень хорошо и что с ним ничего не случится. Он был оптимистически настроен. С энтузиазмом стал говорить, что он теперь много и продуктивно работает, и так скоро он в Ригу переезжать не собирается. Казалось ничто не предвещало трагического конца. Но через три дня его не стало. Позже мне стало известно, что 11-го сентября, т.е. через два дня после моего отъезда, Райнис с утра около 9-ти часов утра пошел погулять на пляж, но стал накрапывать дождь, и он вынужден был скоро вернуться.

Поработав некоторое время, в полдень снова пошел на пляж. Море бушевало, но на берегу было очень приятно. Из-за ветра было трудно ходить и он присел на скамейке. Но здесь с ним случился обморок. Как долго продолжалось обморочное состояние Райнис не знал. Очнувшись он обнаружил свою шляпу и палку на песке. Поблизости никого не было и он еле с большим трудом добрался до своей дачи. Однако он был так слаб, что даже не был в состоянии позвать свою Аннушку и он палкой постучал в стену дома. Старушка очень обеспокоенная полуторачасовым отсутствием своего хозяина, услышав стук, выбежала навстречу и помогла ему подняться наверх. Он лег отдохнуть. Незадолго до полуночи Райнису стало очень плохо. Аннушка хотела было бежать искать врача, но Райнис ей не позволил и сказал: «Не надо обойдемся так».

Телефон уже несколько дней не работал и не было никакой возможности сообщить в Ригу Аспазии или кому либо из друзей об ухудшении состояния поэта. Всю ночь Аннушка провела у постели Райниса. Поила его чаем и прикладывала к ногам горячие бутылки с водой. Ночь была для него мучительная и тянулась неимоверно долго. В 7 часов утра какая-то женщина принесла Райнису цветы и поздравила его с днем рождения. Тогда только Аннушка вспомнила, что ее хозяину накануне минуло 64 года и поздравила его. В ответ и Райнис поздравил Аннушку, которой в тот же день минуло 67 лет. Райнис был удручен, что его накануне, 11-го сентября, в день его рождения никто не вспомнил и не поздравил. С горечью он оказал Аннушке: "когда был здоров я всем был нужен, а сейчас, когда болен, я забыт и никто не приходит". Даже Аспазия в этот день не приехала, а лишь на следующий день. Несмотря на то, что Райнис рассказал ей какой у него был накануне тяжелый день и как он плохо провел ночь, Аспазия ничего не предприняла на месте чтоб его спасти и уехала в Ригу.

После отъезда Аспазии Райнису снова стало очень плохо и он уже сам стал просить Аннушку сбежать в аптеку за лекарством. Когда Аннушка сказала, что боится его одного оставить, Райнис ей сказал: "Идите, идите, так скоро я не умру". Приняв принесенное позже Аннушкой лекарство, Райнис как будто почувствовал себя лучше и вздремнул. Через некоторое время приехал старый друг и приятель поэта доктор Лифшиц. Райнис подробно рассказал врачу о своих обмороках и обо всем, что с ним произошло ночью и уже сам стал просить доктора забрать его с собой в Ригу. Но врач, обследовав тщательно писателя не нашёл возможным по состоянию его совершить поездку. Он помог Райнису раздеться, уложил в постель и велел соблюдать абсолютный покой. Полежав некоторое время, Райнис все же стал настаивать, что хочет ехать в Ригу. Уступая просьбе друга, доктор Лифшиц в конце концов согласился отвести его в Ригу.

Обрадованный Райнис дал распоряжение Аннушке собираться в дорогу а сам направился а соседнюю комнату, но не успел он сделать несколько шагов, как почувствовал себя очень плохо и, крикнув доктору: "Спаси меня, друг !", упал без сознания в стоявшее поблизости кресло. Врачу удалось привести писателя в чувство и он уложил его на диван, прикрыв одеялом. Но через короткое время Райнис стал задыхаться и метаться по дивану. Издав глубокий вздох, Райнис умер на руках своего друга, доктора Лифшица. Последний был потрясен столь быстрой развязкой и воскликнул: "Такого человека, как Райнис нет и не было в Латвии".

Аннушка, увидев, что ее хозяин скончался, подбежала к нему и стала горько плакать, целуя его руки и лоб.

О смерти Райниса было сообщено в Ригу Аспазии, которая через пару часов приехала на взморье. Было сообщено и в редакции местных газет и на даче появились некоторые журналисты. В тот же вечер тело Райниса было перевезено в Ригу на его квартиру по ул Базницас 30, где вскоре стал собираться народ. На второй день все местные газеты посвятили Райнису большие статьи, описывая жизнь и творчество великого латышского писателя и его общественно-политическую деятельность.

Неожиданная смерть Райниса вызвала глубокую скорбь не только в Латвии, но и за границей, где хорошо знали поэта. В воскресенье 15 го сентября 1929-го года Райниса похоронили на новом кладбище, которое стало называться "кладбище Райниса". Таких больших похорон, как похороны Райниса в Латвии еще не было.

Алфавитный указатель имён

Аншелевич, Юлий, врач	41, 46
Ариныш, Эйжен.....	31
Баркан, раввин	61
Брегман, Юрий.....	49
Вайнберг, Моисей.....	39, 43
Вапне, Григорий	5, 8
Вапне, Леонид.....	5, 8, 60
Вестерманн, Мейер.....	21, 61
Вульфсон, Маврик.....	26
Головина, Лидия	47
Гринман, Иосиф.....	59
Детловс, Вилнис	32
Клявиньш Гунтис, дирижер.....	53
Лисицына, Евгения.....	61
Мамон, Андрей Васильевич	55
Мамон, Галина	55, 61
Мышкис, Анатолий	33, 34, 43
Плоткин, Борис Исакович.....	34
Райнис, Янис	20, 64
Рудзит, Эльмар.....	46
Фрицбергс, Волдемаре	35
Хейфец, Элия, композитор	53
Шапиро, Борис.....	49
Шапиро, Елена.....	3, 36, 37, 39, 49, 50, 60
Шатц, Виктор.....	3, 60
Шац-Марьяш, Рута	3, 35
Шенкмань, Аги и Урий	35, 61
Энгельсон Ася.....	51, 60
Энгельсон, Вадим	5, 52
Энгельсон, Дмитрий.....	58
Энгельсон, Иссарион(Саша).....	23, 54, 57
Энгельсон, Леонид	5, 39, 47, 49, 59, 60
Энгельсон, Леопольд(Лёва).....	5, 29, 57
Энгельсон, Мордхель(Макс)	36
Энгельсон, Шмуэль	12, 14, 19
Энгельсон, Эсфирь(Фира)	5, 11, 46, 54
Ярхо, Ирина.....	38, 44, 60